

Союз писателей России
Ростовское региональное отделение

Донской
Литературный
Альманах

№6

посвящается

Защитникам
Отечества

г. Ростов-на-Дону

2025 г.

ББК 95(Рос-Рус)90
А-210

Донской литературный альманах № 6: сборник произведений донских писателей /Союз писателей России, Ростовское региональное отделение. — Ростов-на-Дону, 2025. — 128 с.

Уважаемые читатели!

Ростовское региональное отделение Союза писателей России в год 80-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне выпустило в свет Донской литературный альманах, посвящённый Защитникам Отечества. В публикуемых произведениях отражены события времён ВОВ и нынешние события Специальной военной операции. В альманахе представлено творчество писателей из городов: Ростов-на-Дону, Таганрог, Шахты, Новочеркасск, Красный Сулин, Батайск, из села Новобессергеновка Ростовской области, станицы Ленинградской Краснодарского края. Среди авторов: члены Ростовского регионального отделения СПР, кандидаты в члены СПР, слушатели литературного семинара при РРО СПР, поэты и прозаики из таганрогских литобъединений «Чайка» и «НЛО», а также из новочеркасской городской литературно-творческой студии «Ступени».

ISBN 978-5-87612-110-6

© РРО ООО «СПР», 2025 г.
© Коллектив авторов, 2025 г.

Члены
Ростовского регионального отделения
Союза писателей России

ВАЛЕНТИНА ДАНЬКОВА
ЧЛЕН СПР
СТ. ЛЕНИНГРАДСКАЯ, КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

Данькова Валентина Васильевна, родилась в г. Таганроге 21 марта 1947 года, где проживала до 2017 года. В настоящее время живёт в Краснодарском крае, в станице Ленинградской. Член СПР и СЖР. Пишет стихи и прозу. Её произведения публиковались в коллективных сборниках и альманахах Таганрога, Ростова-на-Дону, Белоруссии, С-Петербурга, Москвы (2015–2018). Неоднократно становилась финалистом городских, областных, сетевых международных литературных конкурсов: 2-го Всероссийского (сетевого) «Герои великой Победы», лирико-патриотической поэзии в С-Петербурге «Душа добру открыла двери» (2016) и др. Является лауреатом конкурсов, проводимых Ростовской областной писательской организацией, областных и международных, посвящённых памятным датам А. Чехова (2010, 2025), М. Шолохова (2015), 75-летию и 80-летию Великой Победы и др. В 2010 году сборник её рассказов «По запаху полыни» номинировался на Всероссийскую премию «Чеховский дар» в номинации «Необыкновенный рассказчик».

ТРИ ИЮньСКИХ ДНЯ

Рассказ

*Моей матери, Анне Константиновне,
урождённой Андриевской, всем, чья юность
изуродована немецким фашизмом, посвящаю*

* * *

— Заинька ты такая... — шепчет Артём, нежно покусывая ушко любимой...

«Такая...» — эхом откликается в ней.

Зоя, не выдерживая ласки, от которой бегают «мурашки» и растворяются силы, приподнимает плечо и клонит к нему голову. Губы Артёма торят дорожку по щеке, сливаются с её приоткрытыми...

«А в самом деле, какая?» — недосказанное тревожит, вспомнились дразнилки школяров: «рыжая, курносая».

Она замирает.

— Постой, Тёма... — удержав его голову ладонями, смотрит в глаза так, словно хочет выведать тайну. — Ты меня любишь?

— Зая, с первого танца на вечере... Помнишь?

— Ага.

— Ты была такая!

— И мы поженимся?

— А как же, мы и так муж и жена...

— Муж и жена... Я — жена! — Она отпускает руки и, чуть откинувшись, тихо смеётся. — Чудно.

— А что тут чудного? Борщ варишь не хуже матушки, Галку вынянчила и — рукодельница: что вышить, что пошить... Да ты, Зочка, сокровище! Вот отслужу, вернусь и заживём...

Зоя тянется к любимому, ласково зажимает ему рот припухшими губами...

Уже давно прошли рабочие из ночной смены, перекликнулись петухи.

— Тёма, давай поженимся поскорее, — она освобождается от объятий. — Отец узнает... — прибьёт.

— Не прибьёт. Зая, мы ж договорились! Завтра, то есть сегодня

ня, засылаю сватов, а как моей девочке исполнится восемнадцать, подадим заявление.

— Через месяц — заявление, а там август, сентябрь и мы — муж и жена. Законные, — она улыбаясь жмурится. — И я буду не Кнехтина, а Орлова! — И тут же капризно морщится. — А в октябре провожу тебя в солдаты и останусь соломенной вдовой, — прыснув от смеха, она льнёт к его груди...

— И помни, гражданка Орлова, — нарочито хмурится тот, — будет у нас два сорванца и две щебетухи как минимум...

— Ладно, грозный муж, иди, а то скоро мои поднимутся. — Она чмокает его щёку и, потянувшись, по-кошачьи прогибается в объятьях. — Хорошо, завтра — воскресенье, спешить некуда...

— Уже сегодня, Заинька... Так я вечером — со сватами...

— Ага...

Зоя проскальзывает в приоткрытую калитку, крадётся мимо двери хаты, из которой слышен отцовский храп.

Летние ночи тёплые, комары ещё не злобствуют, и она с младшей сестрой ночует во дворе. Осторожно укладываясь на топчан у раскидистой шелковицы, теснит сестру, прикрываясь краем ряднины...

Предвкушение счастья переполняет её. Засыпая, она представляет будущую свадьбу и во сне видит себя рядом со статным Артёмом в свадебном шествии по улице...

— Девчата, просыпайтесь! — сквозь сон слышится побудка матери. Зоя натягивает рядно на голову, Галина, дразнясь, стаскивает.

— Ну, отстань, Галка...

— Ночью нужно спать! Я вот расскажу мамке...

— Что ты расскажешь?

— А что видела...

— Что ты могла видеть?

Сон слетает.

— А всё... как с Артёмом целовалась.

— Мне можно, я уже взрослая...

— Ой, «взрослая»! Вот принесёшь в подоле...

— Ах, ты, засранка малая, мы поженимся скоро! — она пытается схватить сестру, но Галина спрыгивает с топчана.

— Тили-тили тесто, жених и невеста, — кричит она.

— Галчонок, догоняй батьку, — торопит мать, — солнце вон взишло, пэрэкусым там, я «тормозок» ёму прыгрузыла.

— Не хочуюуу, — ноет Галина. — Как гулять, так Зойка, а как на огород, так — я. А я и по дому управляюсь лучше.

— Ладно, ладно, ты у нас везде лучшая, иди...

— Ах, она лучшая?! Вы Галку больше любите... Конечно, она видит всё, а я... Вы виноваты, вы меня такую родили...

— Чи ты малохольна, Зойка? Хиба ж так можно — про родителей? Хорошо, батько не почув. Господи, спасы, сохрани и помылуй, — мать крестится сама, осеняет крестным знамением Зою.

Та всхлипывает, уткнувшись в изголовье топчана, где вместо подушек уложены кофты и тряпки, смотанные в «кубло».

Домна Ивановна с тяткой на плече направились было к калитке, но, задержавшись на мгновение, вернулась, коснулась плеча Зои.

— Дочичка, ты ж справишься до полдня, та на стол посуду выставки... А мы — скоро, сёдня ж у нас — сваты. Обед готовый. Ну, не серчай, Машуня ж ще мала дивчина, а ты вон — уже барышня, замиж зибралась. Ну, з якого перепугу ты узяла, шо мы тэбэ мэньш любым? Прыдумщица...

— Та ладно, ма... — последним всхлипом-вздохом отозвалась Зоя.

— Ну, ось и добрэ, справляйся швыдче тут, а я побигла...

После того, как Зоя выколола кукурузные всходы вместо сорняков, её на огород не брали. Едва не умерев в младенчестве от «золотухи», Зоя потеряла зрение и даже за первой партой плохо видела написанное на доске, поэтому, несмотря на природную сметливость, училась средне. Врачи даже в областном центре долго не могли подобрать нужные очки. Изготовили их по спецзаказу в Москве.

Спать хотелось, но предстоящее сватовство и гомон голодной живности заставили подняться.

*Лодка тонет и не тонет,
Потихонечку плывёт,
Милый любит и не любит,
Только времечко ведёт.
Ах, Самара-городок,
Неспокойная я,*

*Неспокойная я,
Успокой ты меня...*

Вальяжно разгуливая по базкам и раскладывая корм, Зоя поёт, словно не было ссоры.

Обида бабочкой спорхнула с души, и её место заполнило ощущение счастья.

Впервые она увидела Артёма на вечере в авиационном техникуме, где он учится на выпускном курсе, а живёт, как и прежде, в детском доме. Она была счастлива, что такой красивый парень пригласил её танцевать, а затем проводил домой. Через два месяца он признался в своих чувствах и предложил пойти за него замуж. Зоя согласилась и вскоре познакомила его с родителями, представив женихом.

Григорий Михайлович и Домна Ивановна приняли Артёма как сына, а он стал им хорошим помощником: мужских рук в семье не хватало.

— Зойка, ты где? — окликнула из-за изгороди соседка и подружка Рита, — ты одна? Я — к тебе.

— Ага, давай.

Ровесницы, они вместе учились в школе. Пытались продолжить учёбу, но «срезались» на математике: Зоя — в техникум, Рита — в институт. Минувшей осенью отец Риты, главный инженер тракторного завода, устроил дочь и её подругу рассылными в главную контору.

Благодарная Домна Ивановна к праздникам одаривала соседей то курочкой, то уточкой, а как резали кабанчика, баловала всяческими мясными изделиями: разных сортов колбасами, окороком, приготовленным Григорием Михайловичем в собственной копильне...

— Ну что? Колись! — с разбега потребовала подружка.

— Сватов вечером засылает...

— И-и-ийэх! — взвизгнула Рита, обхватила Зою, и они, прокружив в вальсе вокруг шелковицы, хохоча рухнули на топчан.

— Ну вот, а ты ныла: «не полюблю, никто не любит». Смотри, как всё складывается. Я вот, можно сказать, завидую тебе. Артём и собой хорош, и умён, техникум заканчивает. Да и рукастый, вон сколько у вас понастроил. Отец говорит: «Такой зять и нам бы сгодился...» Ну ты чё скисла. Да шучу я. Ты ж знаешь, у меня — свой Ромео.

— А, ну тебя... — Зоя выпросталась из объятий подруги, — шутит она, вот взяла и всё испортила.

— Испортила? Ну, щас исправлю. — Рита прильнула к уху подруги, зашептала, — Артём, конечно, хорош. Но что он в сравнении с тобой, подружка: стройной, с такой роскошной рыжей копной? Да ты, как говорит моя маман, просто не осознаёшь своего очарования. Тебе очки — и те к лицу.

Зоя сама лишь недавно поняла, что очки в красивой оправе и в самом деле придали лицу загадочности.

— Рита! — приблизившись к забору, окликнула дочь Сарра Савельевна. — Иди, завтрак готов. И не тяни резину! Забыла? Позавтракаем и — к бабушке... Зоя, и ты давай к нам на чай. Пётр Дмитриевич приглашает.

Переговоры через забор, приглашения к чаю — это и тому подобное в отношениях с соседями у Сарры Савельевны появилось совсем недавно. Особенно стало явным после провала Ритой экзамена в институт. А раньше, с самого детства, она всё пыталась помешать их дружбе.

«Девочка, пойми, дорогая, не по статусу она тебе... Что у вас общего?» — убеждала она дочь.

Но её беседы и запреты были для Риты пустым звуком, тем более что отец выдвигал весомый «контраргумент»: «А я считаю, что для нашей избалованной дочурки эта дружба полезна».

— Спасибо, тётя Сарра, работы много, у нас сегодня гости...

— Ладно, Зойка, пока. Мы после завтрака — к бабуле, у неё — день рождения.

В уборке самое нудное — «умывание» цветов: лапчатых фикусов, колючих панданусов, украшавших по бедности переднюю комнату. А самое нелюбимое — мазание глиняных полов. Оно вызывало у Зои невесть откуда взявшуюся брезгливость.

Занудство приборки скрашивали чёрная «тарелка», висевшая под потолком в простенке между окон, и под ней — зеркало. Вертясь перед ним и напевая под мелодии, льющисся из «тарелки», Зоя, как фатой, покрывала голову вытрясенными кружевными салфетками, связанными ею крючком из катушечных ниток. Ими украшались комод, столешница и полочки. Подняв руки так, словно танцевала в паре, звонко смеясь, кружилась по хате...

Она закончила мазать полы в сенцах, когда репродуктор,

прохрипев и протрещав, передал экстренное сообщение...

— «...вероломно... без объявления», — повторяла она. — Как же так? Что ж теперь будет?

И как была, с подоткнутым подолом, перепачканными руками и ногами, не прикрыв дверей и калитки, помчалась за околицу к родным, пугая встречных надрывным стоном:

— Война! Люди, война...

С огорода возвращались все вместе. Поодаль, в тени акаций, кучковались и гомонили соседские мужики.

— Мать, я чуток задержусь, може, хто шото знае, — предупредил Григорий Михайлович, направляясь к толпе.

Вернулся раздосадованный, недоумевая: — Не, ништо ничёго не знае, акромя того, шо по радиву...

Умывались молча, словно схоронили близкого. Лишь Григорий Михайлович, будто не слыша себя, повторял: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», да Галина пугала Домну Ивановну решимостью воевать: «А я сбегу на войну, так и знайте».

Завершив уборку и накрыв стол, девчата принарядились, празднично оделись и родители.

В ожидании гостей, семейство собралось под навесом шалаша-временки — «летней кухни», увитой диким виноградом. Время шло, но сваты не появлялись. Поражённые новостью, сидели молча, как на торжественном приёме, с напряжённо вытянутыми спинами, и только Галина ежеминутно вскакивала и выбегала за калитку, возвращаясь, плюхалась на скамейку, и в ответ на вопрошающие взгляды отрицательно мотала головой.

Как ни старалась она первой встретить Артёма, всё же прозевала его появление.

Он пришёл взволнованный и разгорячённый, без сватов.

Извиняясь и сообщив, что прямо сейчас — из военкомата, отозвал Григория Михайловича под шелковицу.

Замерев в ожидании, девчата и Домна Ивановна наблюдали за ними сквозь щели между жердями и стеблями лиан винограда.

Артём, жестикулируя и распаляясь, что-то объяснял. Григорий Михайлович слушал не перебивая. Потом он замахал руками, а Артём всё ниже опускал голову, у него покраснели даже уши.

Галина хотела подслушать, сделав вид, что идёт по надобно-

сти, остановилась неподалёку, но отец, прикрикнув, сказал такое, от чего она огорчилась до слёз.

— И никакая я не сплетница, — огрызнулась она, но благоразумно отступила...

Наконец, мужчины протянули друг другу руки, скрепив их пожатием. Григорий Михайлович свободной рукой привлёк к себе Артёма, и они обнялись...

Зоя, до боли сжимая кулаки, прижатые к груди, выдохнула.

— Ну, шо, Домна Ивановна, — подойдя, нарочито официально, произнёс Григорий Михайлович, — сватов не будет, людям оно и понятно, не до того, а вот Артём хочет породниться и просит в жёны нашу Зою Григорьевну, — при этом он покосился в сторону дочери с выражением, обещающим ещё «разобраться» с ней. — Так что отвечай, желаем мы, чтоб он стал нам сыном...

Домна Ивановна, до сей поры с тревогой поглядывала на мужа: «как бы чего не отчебучил», зарделась, как молодка, будто сватали её.

Промокнув глаза краем нового ситцевого фартука, запинаясь молвила: — А он и есть нам — сынок... Нешто другое шо могло...

— Ну, тогда давай обедать, выпьем по чарочке за энто дело, война — войной, а есть всё одно надо...

— Гриша, подь сюда, — потянувшись к уху мужа, Домна Ивановна что-то зашептала.

— Да ты чё, мать, белены объелась? С иконой! Хочешь — туда, де Макар телят не пас?..

— Христом Богом молю, Гриша! Коды они теперича распишутся? Бог весть, война... А Матерь Божья, може ж, оберегёт их! Гриша... А? Нас с тобой родители благословляли, мы и живые, а через шо прошли...

Григорий Михайлович поморщился.

— Ну, ладно, давай, неси, тока мокроту не разводи...

Родительскую икону Казанской божьей матери, которой благословили её и Григория, Домна Ивановна прятала в сундуке под самым спудом.

— Девчата, — позвала она дочерей в коридор, — а ну, подсобите...

— Ну, раз так, тогда — по всем правилам, — распорядился следом вошедший Григорий Михайлович, — ступайте в хату, в красном углу и благословим. Ну шо, молодые, ставайте на колени, — и

локтем коснулся супруги, — давай ты кажи, а я уж подпрыгусь.

Зоя и Артём, переглянулись, помедлив, опустили перед родителями. Галина тихонько прыснула в кулачок.

— Ты, Галка, смотри мне, — Григорий Михайлович, сурово сдвинул рыже-белёдые брови и, словно стрелу, метнул взгляд в сторону дочери, — не понеси усё это, как сорока на хвосте, на вулицу, та по дворам, а то... — и погрозил пальцем.

— Господь с вами, диты, — срывающимся голосом произнесла Домна Ивановна, крестя молодых, — совет вам да любовь, ибо сказано: плодитесь и размножайтесь...

— Оно-то, так, конечно, — перебил супругу Григорий Михайлович, руша торжественность момента. — Тока с этим... повременить бы надо... Тебе, Артём, — в армию, да и война, а как возвернёся, так тогда мы внукам завседа рады...

За обеденным столом, выпив домашней вишнёвой наливки за здоровье молодых, все степенно ели любимый в семье борщ с галушкой, сваренный в честь сватовства. Посреди столешницы румянился открытый пирог, фаршированный тушёной капустой с судаком.

— До чего ж вкусные борщи вы варите, мамаша, — нахваливал Артём. — Ум отъешь. А этот — особенный. Ты, Зайка, рецепт знаешь? Вернись, будешь почаще такой варить.

— А как же, — откликнулась Зоя. — Проще простого...

— Ой, да что там знать, — зашебетала Галина, торопясь встать в разговор хоть слово. — Он с петухом варится. Потроха его мелко посечь, туда добавить яйцо, лучку, петрушечки и муки, посолить, смешать. Этим фаршем начинить петуха, зашить его и варить в большой кастрюле. Варить долго, пока уварится, вынуть, а остальное, как обычный борщ. Так, мама?

— Так-так, умница моя... Тока обязательно — с петуха. Всё, Тёма, укусным будэ, кода с продуктов добрых сготовлено. Господи, шо ж цэ за напасть? Тока от голода отошли, хозяйством обзавелись и — на тебе... Шо за нация така, воюють и воюють, нападают и нападают...

— Да, на фронтовых харчах эту галушку буду вспоминать с удовольствием. — В охотку съев и добавки, Артём ослабил ремень. — Вы, мамаша, особо не волнуйтесь, думаю, недолго придётся мне кондёр хлебать. С немцем мы быстро управимся...

— Та дай Бог нашему поросяти вовка зысты. — откликнулся

Григорий Михайлович, смачно облизывая любимую деревянную ложку, давно утратившую писаную красоту. — Я вот две войны захватил, гражданску та с финнами, обе на мне зарубки оставили, а живой, пока везло... Ну шо, Артём, пойдёшь собирать аль подсобишь, а то мне подручный нужон. Крыша на сарайчике прохудилась, та и усё, шо мужских рук требует, нужно бы подогнать сёдни, похоже, девчатам одним оставаться...

Домна Ивановна, охнув, зажала рот передником и, отойдя к печке, задержалась там.

— Конечно, помогу, батя, о чём разговор. Приписное с документами — на руках, котомка со мной, в детдоме простился, как в военкомат пошёл. Осталось подпоясаться и — вперёд. Вы представляете, вот сегодня — воскресенье, а народа в военкомате — тьма. Завтра нас в Ростов отправят, а там уж определяют, кого — куда, а до утра я — вольный казак, — он украдкой подмигнул Зое.

— Ты, мать, завтра на час раньш меня побуди, — попросил Григорий Михайлович Домну Ивановну. — Надоть до смены с мужиками покалякать, а то непонятка выходит. Война, почитай, сутки ужо, а шо, де и как...

Поздно вечером молодые, наконец, остались одни.

— Не надо, Тёмочка... — Зоя мягко сопротивляется.

— Ну, чего ты, Зая, теперь — всё, завтра уйду, не скоро свидимся...

— Знаю, боязно...

— Чего, глупенькая? Мы теперь благословлены, считай, повенчаны.

— Я Тоню Логину вспомнила, соседку... Она повесилась...

— Ну вот, нашла, что вспоминать...

— Такая красивая была, чуть старше нас, я и сестра её — тётки и одноклассницы. Прошлым летом схоронили. Как страшно, Тёмочка! Сначала все сокрушались, потом вскрытие сделали, а она — беременная. Осудили её, никто не пожалел. А если и я...

— Зоя, ты это брось! Дети — это ж... это же счастье, понимаешь?

— Понимаю, Тёма, а вот оно, как у Тони-то обернулось... Когда мы поженимся теперь... Война.

— А я продумал всё, про это и батя сказал. Как на место при-

буду, командиру скажу, что женат и ваш адрес дам. Другого нет — с тридцатого года не знаю, что с родителями... Ты прости, я тебе раньше соврал, ну... что погибли они. Мы в Ростове жили, в достатке. Отец — инженер, мать — чертёжница... Ночью их забрали. Я тогда в первом классе учился. Больше о них ничего не знаю. В детдоме сказали, что они «вредители» и чтобы я о них не спрашивал. Так что твои родители теперь и мои...

— Что ты, Тёмочка, в чём твоя-то вина? Ты маленький был. — Она нежно гладит его короткие жестковатые волосы. — А мои, конечно, теперь и твои родители...

Они так и не сомкнули глаз, воркуя в зарослях сирени. А когда до света поднялась мать, чтоб напечь блинчиков к завтраку, в дорогу Артёму и на работу мужу, помогали ей.

Первым уходил Григорий Михайлович, к его цеху от проходной нужно идти ещё минут пятнадцать, в другой конец завода, да и разузнать хотел, нет ли новостей. Было непривычно наблюдать его без обычной напускной суровости, прощающегося с родными так, словно видит их последний раз. Домна Ивановна изо всех сил крепилась и всё улыбалась, чтобы муж ушёл из дома спокойным. Помогая собрать котомку, изрядно загрузила её продуктами, неназойливо напоминала о необходимом в походе. Благословив, проводила за порог, но, когда он миновал соседскую хату, торопливо скрылась в сенцах, и, уткнувшись головой в притолоку, затряслась в беззвучных рыданиях. Вчера ей удалось убедить мужа дожидаться повестки, «не выпрашивать её в военкомате». Сегодня он ушёл на работу, а вернётся ли, Бог знает...

Молодые сидели обнявшись на топчане, а когда подошло время уходить Артёму, Зою вдруг оставили силы, тело внезапно покрыла испарина и пробил дрожь, от которой зубы стучали о кружку, когда её отпаивали водой, а она всё твердила: «Не уходи, Тёмочка, не уходи...».

2

Двадцать третье июня сорок первого года в памяти Зои осталось в тумане, в котором исчезло лицо Артёма. Почти на сутки она погрузилась не то в сон, не то в обморок: тяжёлое, но спасительное, забытьё.

— Зоя, ну ты чё? Совсем расклеилась, пошли, сегодня до работы митинг будет, не хватало, чтоб мы туда опоздали, — Рита буквально тащила подругу за руку. — Тебе и так «дело шьют»,

ты по закону военного времени за прогул под трибунал можешь попасть.

— Под что?

— Под трибунал! Суд такой военный...

— Ну и пусть...

— Ты чё? Отец говорит, что в лучшем случае из комсомола исключат, с работы выгонят...

— А в худшем?

— В тюрьму посадят...

— Ну и пусть...

Рита вдруг остановилась и без особого размаха залепила Зое пощёчину.

Та удивлённо посмотрела: сначала, словно ещё оттуда, из своего «отдаления», но тут же Рита увидела, как отсутствующий взгляд Зои наполнился смыслом и пониманием происходящего.

— Ты, чё, совсем с катушек слетела? — доводила она подругу до нужной кондиции. — Одна ты такая? Мой тоже... Отец ему: «Не ходи в военкомат, я тебе бронь обеспечу», а он: «Ну и кем я после этого буду, папа? Мы всей группой решили». Хорошо, их не сразу — на фронт, на курсы отправят.

— Вот, видишь, не у всех так, как у меня, получается... — откликнулась Зоя.

— Не у всех... — передразнила её Рита. — Меня вчера отец с юбилейного обеда забрал с собой. Руководство и партком совещались, а я у них за писаря была, секретарши не управлялись. Вчера и рабочие тоже ни свет ни заря у проходной собрались. И отпустили меня за полночь, митинги готовили. А отпустили потому, что мне с утра — в отдел кадров... Спала, считай, с гулькин нос. Все — на ногах, а ты — барствуешь. Не такая она, видите ли...

Дальше они шли молча, и Рита едва попевала за подругой. Ещё на подходе к главной конторе девушки увидели осаждённые двери отдела кадров.

— Зойка, ты не представляешь, столько ребят призывают, ужас... После митинга я пойду на своё место, а ты уточни, куда тебя пошлют.

— Девчата, — окликнул их секретарь завкома комсомола Николай Рысаков, — молодцы, вовремя явились, сейчас я вас отмечу.

Хотел «проработать» Зою, но взревел заводской гудок, и Дмитрий помчался на верхнюю приступку лестницы, ведущей к дверям конторы, где уже толпились организаторы.

Стихийные митинги-протесты охватили заводские коллективы ещё вчера, в понедельник. Хмурые и взвинченные рабочие пришли на завод загодя. Многим из них война знакома не понаслышке: кто-то «хватанул германского хлора» в мировой, другие «хлебнули» кровавой похлёбки в гражданскую, были и мёрзшие в финских снегах. Не в силах сдерживать возмущение вероломным вторжением немцев, «похеривших» мирный договор, закипающую ненависть к врагу, обменивались скудной информацией, отборной бранью костерили Гитлера. И вполголоса вспоминали статью в «Правде», неделю назад обличившую «провокаторов». Тех, кто как раз и предупреждал о вероломстве немцев. Выходит, они — не провокаторы, а резали правду-матку, но их не слушали... Кто? Рабочие наткнулись на этот вопрос и немели в недоумении. Терзали и другие вопросы: что произошло на фронте вчера? Что происходит сегодня? Парторги цеховых ячеек переполошили начальство, понимая, что в состоянии неведения человек — не работник. На том совещании, где была Рита, и решили: «взять инициативу в свои руки». На двадцать четвёртое июня партком спланировал митинги по цехам и участкам. Готовили их партактив и комсомолия всю ночь, с трудом добывая скудную информацию, помогая писать выступления, плакаты.

На митинг у главной конторы собрались её работники, руководство завода, парткома и завкома комсомола, внушительность придала толпящаяся у отдела кадров молодёжь.

До митинга там стоял гомон, то и дело взрывающийся задорным смехом. Парней раззадорило желание, повоевав маленько, почесать кулаки о немецкие хари. Что войну закончим быстро, сомнений не было.

Рита и Зоя, не сговариваясь, протиснулись ближе к ведущим митинг. От сообщения секретаря парткома о событиях на фронте у Зои захолонуло сердце.

«Артём, возможно, теперь там, на передовой, — думала она, слушая секретаря. — Может — среди защитников Бреста, или — бойцов, перешедших в контрастступление 23 июня под городом с чудным названием Перемышль».

Одобрительные возгласы и аплодисменты митингующих вернули её к реальности.

Потом выступил мастер кузнечного цеха Дмитрий Горбалёв, награждённый за трудовые заслуги орденом Ленина. Зоя знала его хорошо, отец и Горбалёв — кореша, семьями ходили друг к другу по праздникам, задушевно пели казачьи и хохлячьи песни. Выступая, Дмитрий Иванович пообещал пойти воевать, если возьмут, а нет, так «все силы и жизнь положить на то, чтоб вооружить армию, как следовало быть, чтобы спуску не давала супостатам».

«Ну вот, — устыдилась Зоя, — Артём воюет, Горбалёв и тот грозитя «жизнь положить», а я...

От комсомолки и ребят, уходящих воевать, речь держал заводской поэт Вячеслав Козлов. Он в стихах, написанных за ночь, поклялся беспощадно рубить многочисленные головы кровавой гидре на родной земле и окончательно задушить её в собственном логове.

Зоя представила тщедушного Козлова с мечом перед «гидрой» и невольно улыбнулась.

— Ну вот, — порадовалась за неё подруга, — так и надо беду встречать, чтоб не тебе, а ей, страшно было. — Она чмокнула Риту в щёку... в ту самую, «обиженную». — Ну, давай, в обед увидимся.

Митинг окончательно вернул Зою в реальность. Она готовилась принять худшее, даже — трибунал. Но, переступая порог отдела, в котором сидела её начальница, ощутила, как частит сердце и взмокли ладони.

— А, явилась! Скажи спасибо, что ты — несовершеннолетняя и массовое увольнение мобилизованных идёт, — оторвавшись на минутку от бумаг, проворчала та. — Не до тебя, начальство ограничилось строгим выговором и штрафом, пятнадцать процентов от зарплаты полгода будут удерживать... И комсомол ещё тобой займётся... Всё! Сегодня, как и раньше, — на побегушках, а завтра видно будет.

Зоя устыдилась, увидев на доске объявлений приказ с выговором, утешило то, что наказана не она одна. Бегать ей в этот день пришлось, действительно, много — распоряжения и приказы сыпались как из рога изобилия, и всё требовалось исполнять срочно.

Она видела, как за два дня обезлюдели цеха и участки, а мобилизованных мужчин пытались спешно заменить женщинами.

В обеденный перерыв, как обычно, подружки встретились в заводской зоне отдыха — каштановой аллее.

— Ритуля, я так соскучилась по тебе, прям, будто сто лет не видела, — прошептала Зоя, прильнув к плечу подружки. — По цехам бегала, конвейеры, станки стоят... Везде пусто... Как страшно, Рита. Что теперь будет?

— Не знаю... Но, думаю, наладится всё. Вот я впервые была на таком серьёзном совещании, и до сих пор под впечатлением... Своего отца таким никогда не видела... Да и остальные, все как один такие, знаешь, решительные, суровые, жёсткие... конкретные. За короткое время столько нарешали, напланировали, как будто заранее знали и готовились. Мне кажется, я и думать стала как-то иначе, и ответственность что ли за всё появилась.

— Умная ты, Рита, организованная, а я как Маша-растеряша... Война идёт, мужчины убивают друг друга... Зачем? Я никак предоставить не могу всего этого... Бывает, отвлекусь и забываю, какой ужас по земле ползёт...

— Не ты одна такая, и у меня никак не укладывается в голове. Ну, давай перекусим и — по местам.

После обеда Зоя расписалась в приказе о переводе в ученицы контролёров отдела технического контроля и отправилась на новое место работы.

В наставники ей выделили соседку по улице Лиду Янкину. На радостях Зоя бросилась её обнимать, но Лида отстранилась.

— Лидочка я тебе — дома, а здесь — Лидия Матвеевна, и никаких поблажек от меня не жди. До конца рабочего дня я должна из тебя сделать знающего контролёра. Времени в обрез, так что приступаем.

Для Зои Лида была как старшая сестра или тётя, и она знала: та уж не пожалеет сил и времени, а добьётся, чтоб Зоя освоила всё, как нужно.

Она знакомила Зою с документацией, обязанностями, тут же «экзаменовала», не отставала, пока та всё освоит. Убедившись, что ученица вышколена, отвела в цех и показала участок, на котором завтра ей предстояло принимать шестерёнки уже не для тракторов, а для танков. Завод переходил на выпуск военной продукции.

И только тут обняла:

— Ну, Зочка, гляди в оба, теперь твой промах — не просто

брак, он может обернуться высокой ценой — жизнями. Не подводи и меня. Ну, осваивайся, а я побежала к себе.

«Осваивалась» Зоя дотемна, и, когда добралась до топчана, ей казалось, что не уставала она так никогда.

— Зойка, где ты бродила до сих пор? Я тут уснуть не могу, думаю, случилось что.

— Где я могу быть? На работе. Теперь я с завтрашнего дня — контролёр...

— Ух, ты! Здорово! А у меня тоже новости. В ДОСААФе записалась в кружки: стрелковый и радио, ещё хочу — в парашютный, если расписание не будет совпадать. Представь, я уже стреляла, и руководитель сказал, что с такими успехами «Ворошиловского стрелка» получу легко... Ты чё, спишь уже что ли? — и, убедившись, что Зоя заснула, нежно обняла и прижалась к ней. — Не робей, сестричка, сдюжим, обязательно всё сдюжим...

НАЧНИ С СЕБЯ...

Эссе

Стремительно и неотвратимо мчится время из ниоткуда в никуда. И чудится, что на его струящейся платформе возникают народы, за короткую жизнь в суете и беспокойстве не успевающие осознать, откуда и кто они, зачем и Кто отправил их на Землю. Существует ли та Великая Миссия, исполнить которую пытаются некоторые, или удел человечества — стать просто необходимой биомассой. И за это мгновение сознательного существования, прежде чем унести неведомо куда, люди с поразительным упорством истязают и истребляют себя, себе подобных, ту благодатную среду, которая, казалось бы, создана для их благоденствия.

История человечества — история войн. Не оформляю цитатой, не знаю автора, да и сентенция эта — неопровержимый факт.

Народам нашей страны чужды интересы, удовлетворение которых требовало бы уничтожения соседей, народов, живущих в дальних пределах. Считаю, двести лет свои топоры мы отрываем только для того, чтобы защитить свою землю.

И что бы ни дудели в свои дудки «партнёры» о нашем милитаризме, право праздновать Великую Победу в Великой войне мы

добыли высокой ценой. Навеки она вписана в наш генетический код, потому её герои и жертвы будут вечно волновать потомков Великого народа, Великой страны.

Для детворы, рождённой в послевоенные годы, самой азартной игрой была: «сражение с фашистами», а самыми страстными — разговоры: «Если б я был на войне...». Сожалела о том, что поздно родилась, и я. Наверно, поэтому мы знали до тонкости подвиги генерала Карбышева, Зои Космодемьянской, Ивана Голубца, Александра Матросова, героев-подпольщиков...

Разные жизненные дороги и ситуации дарили мне общение с теми, кому выпала тяжёлая, но великая, миссия — освобождение Родины, спасение народов Европы от «коричневой чумы». Огненное горнило прошли отец и отчим, учителя и преподаватели, старшие коллеги. Узнавала я о войне, как говорится, из первых рук. Участие в работе Городского совета ветеранов расширило круг знакомых — участников Великой Отечественной, позволило сделать интересное наблюдение. В характерах каждого, вместе с яркими родовыми чертами, неповторимыми узорами судеб, неизменно проявлялось общее: активная гражданская позиция, обострённое чувство справедливости и ответственности, готовность прийти на помощь.

К Елене Фёдоровне, рекомендовавшей меня в Городской совет ветеранов, я отношусь с особым теплом, есть для её души уютный уголок моей памяти.

В конце шестидесятых годов прошлого века я устроилась в престижную городскую больницу. Проблемным отделением в ней было одно — грудное. Вот туда меня и направили, назначив старшей сестрой. Наставником стала коллега из детского отоларингологического отделения Елена Фёдоровна Шульга. Её первый урок был коротким: «Хочешь добиться от кого-то нужного результата, начни с себя». А практическая помощь состояла в рекомендации: «Делай как я».

Ко мне она отнеслась по-матерински тепло и стала непререкаемым авторитетом. Но даже приблизиться к безупречному образу медицинского работника, который взрастила в себе и несла по жизни Елена Фёдоровна, было непросто. Не отыскать другой такой же халат и медицинский колпак по белизне и выглаженности, как у неё. И как всё это сохранялось в первозданности до конца рабочего дня? Непостижимо!

Трудовыми соревнованиями тогда была «охвачена» вся страна, но о первом месте в нашем медицинском объединении никто и не мечтал: всех обставлял «ухо-горло-нос» Е.Ф. Шульги. О её дотошности в соблюдении санитарных норм ходили легенды.

Однажды при очередном контроле сотрудница санстанции, не найдя «непорядка», провела своим носовым платком по какой-то полочке... В ответ, достав свой тончайший кружевной батист, Елена Фёдоровна «сняла мазок» со щеки проверяющей... Он оказался темнее. Никто никакого «дела не раздул», как предполагали коллеги, а отсутствие «последствий» объяснили просто: «Она ж фронтовичка!»

Моя работа в грудном отделении продолжалась недолго — вскоре я поступила в институт.

За время учёбы и работы случались редкие встречи с Еленой Фёдоровной. Снова вместе мы оказались уже на общественной работе в Совете городской ветеранской организации. И уже тут, в совместных делах, в дружеских беседах, я узнавала её биографию, военную судьбу.

Елена Фёдоровна родилась двадцать первого мая тысяча девятьсот двадцатого года в Таганроге и была старшим ребёнком в многодетной семье. О детстве вспоминала с теплотой.

— Наша семья жила дружно. По праздникам к нам приходили гости. Детям накрывался отдельный стол. Отец плотничал, и у нас была своя столовая мебель... Горе пришло внезапно. Тяжело заболела и умерла мама. И мне, ещё подростку, пришлось её заменить. Это определило и выбор профессии. Я хотела лечить людей...

О войне Елена Фёдоровна рассказывала неохотно, особенно трудно ей давались воспоминания о её начале.

— Окончив «с отличием» Таганрогскую фельдшерскую школу и специальные курсы в 1938, я работала районным санитарным врачом, мечтая об учёбе в институте. После первого сообщения о нападении Германии со смешанным чувством беды и уверенности в нашей скорой победе пошла в военкомат. Мы были готовы сделать всё, чтобы защитить Родину...

Получив направление, остаток дня и ночь она занималась мобилизацией медработников, объезжая сёла и хутора района, а утром выехала по назначению в город Бердичев Житомирской области.

— Там меня обмундировали. Приняла присягу, — вспоминая, она смолкает, словно собирается с духом. — Чудовищной казалась та страшная бомбёжка. Сутки не могли вырваться из города.

На Киевском направлении в составе 26-ой армии Юго-Западного фронта она и приняла боевое крещение: выносила раненых, оказывала им помощь, участвовала в их переправе через Днепр...

— Командованию приходилось постоянно пополнять или полностью менять состав подразделения. Было ли страшно? Наверно, но страх отступал перед трагедией полонения и разорения родной земли.

Стройная красавица с лёгким прищуром смотрит с фотографии из мая победного сорок пятого. Тонкая талия туго перехвачена армейским ремнём. Такие — сейчас в моделях, в «королевах»! Трудно представить эту изящную девушку на передовой из огня вытаскивающей бойцов... Я откровенно любовалась военной выправкой Елены Фёдоровны, когда мы работали в больнице и в городском совете ветеранов. Статная, энергичная, волевая — годы мало меняли её...

— Да, первые дни войны были очень трудными физически и морально, — рассказывала она в откровенной беседе. Чуть дрогнувшие губы и непоседливые руки выдавали волнение, но — ни слезинки, ни жалобной интонации. — Впервые — массовая гибель товарищей, мучительное отступление из Киева пролеском через Борщёвское болото. На плащ-палатках, связанных обмотками, мы помогали друг другу выбраться из трясины. Довелось видеть и страшные картины расправы фашистов с населением. Обмундирование я спрятала при отступлении, а оружие оставила — живой фашистам не далась бы.

С восемнадцатого сентября по шестое ноября сорок первого года выходила Елена с товарищами из окружения.

— Шли в основном ночами, переодевшись в тряпье, вперемешку с беженцами, хоронились в скирдах соломы, в сиротливых полях подсолнечника и кукурузы. Так добралась до Старого Оскола, к нашим. Оттуда меня отправили в Воронеж поездом на открытой платформе. Как большинство сверстников, я считала себя выносливой и терпеливой. Но во время того «путешествия», на ледящем ветру коченя от холода, готова была броситься с платформы, чтобы прекратился этот кошмар...

Прибыла она в расположение 13-ой армии, страдая от просту-

ды, от боли в распухших суставах на руках и ногах. Однако предложение командира остаться в тылу, подлечиться, категорически отвергла. Зачислили её в 32 роту. Так, в составе 13 Армии, участвовала Е. Шульга в боях на Курской дуге, в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, во взятии Берлина. Она награждена двумя орденами: Красной Звезды и Отечественной войны второй степени, а также медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Киева», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина»... Всего — двадцать пять! Награды просто так не раздают.

— Везло мне. Сколько раз смерть подступала так близко, что стыла кровь в жилах. Как-то пуля обожгла ухо, словно предупреждая. Однажды подставилась сама. До войны у районного санврача транспорт был гужевой, и я «привязалась» к лошадям. На фронте всегда берегла для них угощение: хлеб или сахар от пайка; а лошади радовали преданностью и удивляли сметливостью. Побудешь с ними — напряжение снимется мгновенно. Вот так, в затишье между боями, оседлала я свою любимицу, прогуливаюсь. Не заметила, как выехала на нейтральную полосу и продолжала двигаться в сторону врага. Фашисты открыли огонь, я развернула лошадь, а она, не успев набрать скорость, вдруг завалилась на правый бок. Я едва успела поджать ногу, прижалась к седлу, ничего не понимаю: лошадь голоса не подаёт, но не хрипит и не бьётся. Пока я соображала — огонь стих, и вдруг моя Зорька задвигала ушами, заржала, но тихо, потом напряглась и, вскочив, понеслась в расположение нашей части. Вот так, благодаря сообразительности моей любимицы, осталась жива.

В калейдоскопе эпизодов военных лет Елена Фёдоровна припомнила и такой.

— Приходилось оказывать не только медпомощь. Помню полуторку, до отказа набитую ранеными. Не успели тронуться, как начался обстрел, в одно мгновение у солдат прибавилось ранений. Пострадал и водитель. Пришлось сесть на его место... Хорошо, что он был в сознании, подсказывал, как и на что нажимать... Вырвались мы из опасного участка, и я поклялась, что выучусь водить. И выучилась. А начинала — с трёхтонки...

Вот такой был характер у Елены Фёдоровны, перед трудностями не робела. Строга к себе, требовательна к другим, прямолинейна и открыта. На её характере, безусловно, сказалось военное лихолетье. Она не только с первого и до последнего дня войны

была в строю, но служила в госпитале до 1947.

— Разное случалось за эти годы. Приходилось выхаживать страшно искалеченных молодых ребят. И однажды военные пути-дороги свели меня с моим однофамильцем. Полюбили мы друг друга, супругами стали, и после регистрации даже документы менять не пришлось. Вот так.

Демобилизовавшись, Елена Фёдоровна в звании старшего лейтенанта медицинской службы вернулась в Таганрог, работала в детской, а затем — в 3 городской больнице.

С выходом на пенсию, занялась общественной работой. Была в составе совета ветеранов медработников, членом культурно-массовой комиссии Городского совета ветеранов, встречалась со студентами медицинского колледжа. И в мирное время, как на войне, всегда приходила на помощь товарищам, спасая... от одиночества.

В её характере, как мне кажется, проявились самые сильные и красивые черты русской женщины.

* * *

Войны в истории страны, начиная с Крымской, уже смирили нас с тем, что в трудную годину на защиту Отечества рядом с мужчинами встают и женщины, но всякий раз, когда чья-то женская доля вдруг открывает нам истинно звериный лик войны, не сдерживаем слёз.

Нас удивляет и восхищает, как женщины, поднимаясь из окопов в полный рост, вели мужчин в рукопашный бой! Как они в воздушных боях обходили в мастерстве немецких асов, направляя свои самолёты в лобовую атаку, как на бреющем полёте бомбили вражеские составы и аэродромы. Как, храня верность присяге, под страшными пытками не выдавали своих товарищей. Как они, хрупкие и беззащитные, переломили, выстояли и отстояли! И, что поразительно, за такую долгую жизнь не утрачивали своего женского обаяния.

Теперь, когда мне уже глубоко за семьдесят, и я, снова сожалея, что не в состоянии стать в строй с нашими бойцами, выполняющими Великую Миссию уничтожения фашистских выродков, беру «перо, приравненное к штыку», надеясь, что слово, выведенное им, станет вдохновляющим.

НАДЕЖДА ЖИРКОВА
член СПР, г. Ростов-на-Дону

Надежда Николаевна Жиркова, родом из села Семибалки Азовского района Ростовской области. С 1971 года проживает в г. Ростове-на-Дону. Пишет стихи и прозу. Её первые стихи были опубликованы в газетах «Жизнь» и «Приазовье» в 2010–2011 годах. Является членом литературных объединений «Дон», «Созвучие». В 2024 году стала членом Союза писателей России при РРО. Неоднократно была награждена дипломами первой, второй и третьей степеней за участие в литературных конкурсах.

ГОРЖУСЬ. ПОМНЮ

Очерк

Со вчерашнего дня собиралась поздравить тётю Лиду с днём рождения. Я приготовила букет из красных роз. Забежала в магазин и запаслась тортом «Весенняя сказка». В этот, казалось бы, радостный для неё день, тётя была какая-то задумчивая и печальная. Разливая душистый горячий чай в фарфоровые чашки, она некоторое время молчала, а потом, как бы отбросив сомнения, решила:

— Когда моя мама узнала новость, что немцы захватили второй раз город Ростов-на-Дону, заплакала, прижимая нас, детей, к груди. Председатель МТС Беляев Александр Иванович со-

звал жителей на совет, и мы хвостиками побежали за родителями. В моей памяти на всю жизнь отпечатался тот вечер. Взрослые заседали до первых петухов, а мы, дети, предоставленные сами себе, играли тут же, у конторы. А потом уснули: кто на земле под деревьями, кто на лавочках, — её голос в этот момент дрогнул, она отвела взгляд в сторону окна. Приложив усилия над всплеском эмоций и сумев их обуздать, тётя продолжила:

— И на наши плечи легла вся тяжесть трудовых военных будней, — горестно вздохнула тётя Лида, — малыши быстро выросли! Не покладая рук, работали с ранней зари до позднего вечера. Жили в поле, днём и ночью убирая урожай. Мы с подружками подбрасывали зерно вверх небольшими деревянными лопатками. Наша главная задача была, как говорил бригадир, не дать зерну согреться в буртах. Помню, как устог забивался и в рот, и в нос. От него и от пота тело зудело. Хорошо, что волосы закрывали до самых бровей платками. На ладонях от черенков лопат образовались мозоли, и они вначале сильно болели. Девчата постарше серпами срезали пшеницу, собирали в стога. Пацаны-подростки работали на молотилках. Дни стояли знойные, и в прожаренном воздухе плотной пеленой клубилась пыль. Ох, как тяжело было, по ночам рученьки и ноженьки ломило, мы от усталости засыпали на ходу. Но работали все вместе хватко, на виду, у всей деревни на глазах, а это, скажу тебе, подстёгивает. Стараешься не отставать друг от друга, чтобы стыдно не было потом. И руководил нами, малышнёй, Яшка Романов, мой троюродный брат. — Она снова замолчала, сделала маленький глоток почти остывшего чая. Чайной ложкой отломил кусочек торта, но так и оставила его на тарелочке:

— Яша родился в 1925 году, ему в октябре 1942 года должно было исполниться семнадцать. Но, скажу тебе, какой был заводной парубок! В его руках всё горело. Конечно, по-другому ему и нельзя, он же секретарь комсомольской ячейки.

— Пойдите, тётя Лида! — осторожно остановила я поток её нахлынувших воспоминаний. — Вы говорите о Якове Александровиче Романове, в честь которого названа школа в нашем селе? Он — Герой Советского Союза, и звание ему было присвоено в марте 1945 года посмертно? Это он? — Тётя Лида в подтверждение кивнула головой. — Я всегда знала, что он мне дальний родственник. Но не знала, по какой линии! Моя мама не

любила вспоминать дни немецкой оккупации. И, когда я, бывало, приставала с расспросами, отмахивалась, как от назойливой мухи.

— Первого августа сорок второго года, когда немецкие войска ворвались в нашу деревню, мне едва исполнилось десять лет. Твои родители постарше, и поэтому именно на их плечи легла самая тяжёлая работа, — подытожила тётя Лида, — матери-то твоей почти шестнадцать в сорок втором году было. А отец на два года младше неё, но ростом вымахал, каланча каланчой. Рук не хватало. Взрослые мужики ушли на фронт, остались бабы да дети. — Она долила в чашку мне и себе кипятка, в задумчивости села на стул. — Я почему начала этот разговор?! Завтра у него день рождения, а кровных родных, боюсь, не осталось. Мать его, Надежда, померла, о сестре Ольге ничего не ведаю. Мало кто теперь знает подлинную историю жизни этого удивительного парня-заводилы, который был душой компании. Всегда он ходил с голубой тетрадкой в руке, свёрнутой в трубочку, а в зубах — соломинка. Табак он не нюхал, соломинка для форса, видать. Они, комсомольцы, выпускали стенгазету и критиковали лодырей, хотя таких почти не было, но, что греха таить, были и нерадивые. Им в тягость колхозные земли, овчарни, скотные дворы. Больше уделяли время личному хозяйству. Комсомольцы прямо на полевом стане повесили лист фанеры для объявлений, где каждое утро прикалывали новый листок со сводками с фронта и карикатурами на хапуг. И как только новости узнавали, когда успевали? До прихода немцев старших девчат председатель отправил со стадом коров в плавни. Все жители надеялись, что немчура долго не протянет и её под зад погонят, — она снова горестно вздохнула, — но они, ироды, были почти полгода. Только в начале февраля 1943 года их турнули. В доме ветврача Кужарова Матвея Даниловича, в селе Маргаритово, в погребе, находилось подполье. Прямо у румын под носом. — Она улыбнулась так, словно до сих пор ей в это сложно было поверить. — Лесов-то у нас нет. Вначале в плавнях, в шалашах прятались. Пока стояли тёплые деньки, ещё куда ни шло, но ударили морозы. Куда деваться? Табор коровий немцы разбомбили, кто-то из местных предателей донёс. Остатки стада собрали и в Азов решили погнать на убой. Но у Займа-Обрыва партизаны из отряда Сахарова И.Т. отбили животных и вернули жителям прилегающих деревень.

А Яша с твоей бабушкой Олей подпольщиков продуктами снабжали. Она ночами хлеб пекла, а он был связным. Нам, детям, строго-настрого приказывали держать язык за зубами и чужакам ничего никогда не рассказывать. — Она поставила чайник на газовую плиту, зажгла конфорку. Так и стояла у плиты некоторое время, задумавшись. Потом, словно опомнившись, вернулась к столу и с глубокой печалью в голосе продолжила:

— Писали листовки и ночами расклеивали по тёмным улицам. Одну дивчину румыны-изверги поймали. Она оказалась бывшей пионервожатой и дочерью прихвостня-старосты. Потом отпустили, но поиздевались. Так она, горемычная, сама на себя руки наложила, повесилась в саду, за хатой. — Тётя Лида положила руки на стол, словно застыла, смотрела перед собой, не мигая. Воспоминания будоражили память, возникали хаотично, отзываясь жгучей болью в сердце. — А батьку твоего в рыболовецкую бригаду староста записал. Рыбаки, вроде, немцам рыбку ловили, но больше в балках, в тайниках улов прятали и партизанам отдавали. Летучие бригады партизан, по пять-шесть человек, много иродам басурманским кровушки попортили. Мать моя меня тоже прятала, когда полицай пошёл по дворам и записывал всех подростков по приказу немецкого командования. Помню, взрослые рассказывали, как румыны собрали тех, кто не смог хорошо скрыться. Посадили на телеги и повезли в районный центр — Азов. Но по дороге группа партизан их освободила, а сопровождающих прихвостней, румынских и местных, народные мстители утопили в море. Этих спасённых детишек-малолеток по хуторам пристроили до прихода наших. А Яша ушёл на фронт в феврале 1943 года, сразу после освобождения деревни регулярными войсками Красной Армии. И уже по весне 1944 года вызвался добровольцем с пятью товарищами в Севастополь, разведать обстановку. Им не повезло. Они не успели сойти с лодок на берег, как сразу напоролись на засаду. Явно немцы их поджидали. Завязался бой на улицах Севастополя, — она не сдержалась, всплакнула, — так жалко, совсем молоденький! Ведь ему-то не было и восемнадцати. Он прибавил год. — Она тихо плакала, вытирая глаза уголком махровой салфетки. — Я, когда была в том городе, в Севастополе, видела памятную доску. В музее узнала, что во время боя Яша оторвался от основной группы. Немцы его прижали у Сапун-горы. Он же худенький, влез

в расщелину и оттуда стрелял по фрицам, пока патроны и гранаты не кончились. Они тогда решили его огнём выкурить, стали бомбить ту гору и, видно, смертельно ранили. Но того последнего, кто из немчуры пытался пролезть в расщелину, он убил ножом. А тут и наши ребятушки подоспели, но Яша уже был мёртвый. А у этой Сапун-горы лежали двадцать девять немецких солдат, раненых и убитых. — Она поднялась, выключила свистящий чайник, принесла шкатулку, сшитую из цветных красочных открыток, вытащила из неё маленький солдатский треугольник. — Вот, его последнее письмо. Мать Яши, Надежда, мне давала почитать, да и забыла забрать. Хочу в музей боевой славы отдать. Старая совсем стала, сегодня мне семьдесят восемь лет стукнуло. — Она нежно двумя руками разгладила пожелтевший, потёртый на изгибах листик с крупным, аккуратным почерком. Химический карандаш уже начал расплываться, но ещё можно было прочитать написанное. В их семье, кроме Яши, был старший сын Семён, он погиб под Керчью летом 1942 года. Отца — Александра — расстреляли немцы за связь с партизанами. Мать его, когда ещё живая была, открывала памятник с вечным огнём, в честь него поставленный. Может, ты видела такую высокую стелу на главной площади города Азова? — Тётя Лида вновь горестно вздохнула и попросила:

— Давай, племянница, мы с тобой помянем родную душу винцом. Как жалко, прервалась ветвь их родовой линии, погибли парни молодыми. — Тётя Лида из графина налила в маленькие стопочки вишнёвую настойку. Мы выпили, стоя, и она продолжила:

— В этом городе Севастополе есть улица имени Якова Романова, есть бюст в музее и памятная доска. Вот и ты помни и передавай эту память своим детям и внукам. А сможешь, поезжай, поклонись до земли от всего нашего рода!

ИРИНА САЗОНОВА
член СПР, г. Ростов-на-Дону

Сазонова Ирина Анатольевна, ростовчанка, член СП России с 2008 г. Поэт, прозаик, переводчик. Автор одиннадцати сборников стихов и четырёх книг прозы. Её повесть «Отдашь своим детям» переведена на болгарский язык и издана в Болгарии. Основные темы творчества – лирическая поэзия и образы искусства.

Делегат двух Международных писательских конференций «Побратиме световы» (Болгария, Плевен, 2015, 2017). Призёр Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Дрезден-2007». Дважды лауреат газеты «Российский писатель» (2017, 2023).

КРЕЩЕНИЕ В ЧЕРНОМОРСКОЙ КУПЕЛИ

Отрывок из повести «Отдашь своим детям»

В наркомат по землеустройству Катерина пошла утром, налегке, без вещей – всё-таки надеялась забежать в институт и уговорить декана досрочно выписать ей, в связи с её положением, диплом. Потом собиралась сняться в райкоме с партийного учёта – без этого она и не думала покидать город. Улицы Симферополя изменились после первых ночей бомбёжки – уже появились первые остовы разрушенных, обугленных домов, тротуары сплошь засыпаны битым оконным стеклом, огромные стрелы, нарисованные пока ещё мелом, указывали

путь к бомбоубежищам, в воздухе ощущался запах дыма...

Дора Марковна, полная коротконогая еврейка, делопроизводитель отдела, где работал Анатолий, бросилась к ней:

– Катечка, детка, ты принесла документы? Да, никакой, конечно, паники, но приказ об эвакуации уже есть... Анатолий просил проследить, я внесла тебя в списки, но надо паспортные данные, свидетельство о браке, другие сведения... Животик небольшой, сколько, семь?.. Авось, не разродишься в дороге... Пойдём скорее к начальнику. Куда – не имею представления... Начальство знает... В Керчь или на Тамань, думаю... И никуда, никуда из дома... Со дня на день, со дня на день... Мы за тобой заедем, будь наготове, а лучше переселяйся с вещами сюда, наши многие в вестибюле спят, видела?..

Выйдя из Наркомзема, Катя свернула по знакомой аллее на улицу Ленина, к трёхэтажному зданию пединститута. Она не успела войти в просторный двор, как оказалась в суматошной толпе отъезжающих куда-то студентов: парней в институте было мало, а теперь не видно вовсе – наверное, мобилизовали. Некоторые девушки уже сидели в кузове грузовика, крытого брезентом. Тут же бегал декан, к которому шла Катя, – взлохмаченный, в мятом парусиновом костюме, сразу набросившийся на неё с упреками:

– Бодрова, в чём дело, почему опаздываете? – дипломы ещё не получены, вы член нашей ячейки, пример другим! Быстро в машину, едем на окраину рыть окопы!

Что могла возразить она на это? Действительно, должна, особенно в это трудное время, быть примером во всём, так её учили... Мелькнула мысль – даже тёплую жакетку не взяла...

Она, всё ещё ловкая и спортивная, молча ухватившись за чью-то поданную из кузова грузовика руку, стала одной ногой на колесо...

– Ну что ты, как, девонька, живая? – круглое женское лицо в ореоле туго затянутой белой косынки нависло над нею. – Ты уж извини, что я в бомбоубежище убежала – страшно было, ой, как страшно! Так бомбили! Я роды приняла – и бегом в подвал! А ты всё равно в беспамятстве была... Да и трогать тебя после родов нельзя – а ну как кровотечение откроется! Ну, думаю, – как Бог даст... Обошлось... живучая ты...

– Да... Скажите, а как мой ребёнок?..

– Господи, ребёнок! Такую бомбёжку перенесла, одна тут лежала – и живая осталась! Радуйся! Куда тебе ребёнок этот, зачем? Ты о себе думай – как спастись будешь! Скоро, говорят, и Перекоп затрещит, и Керчь зашатается! Ты ж, девка, партийная, билет-то я в одежде нашла! А ну как немцы – думаешь, пощадят тебя?

– Где мой партбилет?

– Да вот он, рядом, на лохмотьях твоих лежит! Всё грязное, рваное... Господи, и как это беременную на рытьё погнали?.. Ведь тебя накрыло... взрывной волной... Землёй засыпало, одежду мелкими осколками посеколо... Дядька какой-то тебя притащил, на руках, крест-накрест, как на стуле, – с парнишкой был, не помнишь? Седой, грязный... плакал... Двух девочек, говорил, поубивало... А ты счастливая...

– Посмотрите ребёнка...

– Ладно, сейчас посмотрим кроху твою, взвесим... Девочка, я сразу тебе сказала... Господи, кило восемьсот!.. Ну, куда ты с ней? Недоношенная! Её ж в вате держать надо, теплом выхаживать! Давай, сделаю ей укол – и всё! Ты молодая, после войны родишь, если сама спасёшься... Время-то какое!..

Катя схватила акушерку за руку:

– Умоляю, сделайте что-нибудь, чтобы девочка взяла грудь...

– Упрямая ты... Ну, как знаешь... Мучайся... Давай соски помажем... Девчонка махонькая, а вроде ничего, дышит сама... Брызгай, брызгай ей молочком в рот! Эх, молока-то ещё почти нет! Ну-ка, ротик-то открывай, соси мамку свою глупую... Взяла грудь, взяла... Ну, вот что, девушка, адрес говори, – акушерка сняла белый халат, оставшись в ситцевом цветастом платье с кругами пота подмышками, – я домой побегу, двое суток уже здесь одна, дома дети с бабушкой старой... Других рожениц, слава богу, нет, все, кто родили, по домам расползлись... Так заскочу к тебе, скажу, чтобы утром домой забрали... А тебе до утра лежать надо...

– У меня только соседи... Муж на фронте...

– Ну, может, помогут... Эх, ты ведь сейчас и в подвал-то не дойдёшь, два часа всего после родов... Не побоишься одна лежать?

– А что делать?.. Потерплю...

– Дай-ка я тебе укольчик вколю – от кровотечения... Вот, круж-

ка тебе с водой, рядом ставлю, дитё у тебя под боком, я запеленала, в покрывалко привернула... Если будет пищать – дай грудь... Всё, не обижайся – дети у меня, утром приду, если жива буду...

Забитьё и слабость спасли Катю от страха. Она не помнила, как прошла эта ночь – не слышала ни бомбёжки, ни писка новорожденной... Утром, очнувшись, схватила кружку, жадно выпила воду, почувствовала, как покалывает в груди, – пришло молоко. Высвободила грудь, сунула сосок в открытый ищущий ротик...

Вскоре прибежала тётя Миля. Акушерка сдержала обещание – зашла на Луговую.

– Катя, дитё, скорей, скорей, пока не бомбят, я платьё тебе принесла, в чемодане взяла, детское тоже... Ты иди-то сможешь?

– Попробую...

– Давай, одевайся, я ребёнка понесу... Идти далеко, трамваи не ходят – все рельсы перекорёжило, да ещё жара, печёт, как в аду...

Вцепившись в рукав тётки Мили, кое-как встала... Когда, надевая платьё, подняла руки – комната словно качнулась туда-сюда... Да, малышку пусть понесёт тётя Миля... Самой бы дойти...

Дом на Луговой стоял, как прежде. Бомбёжка пощадилась эту улицу – все дома уцелели. Катя вошла в комнату, положила ребёнка на кровать, прилегла рядом, свернувшись калачиком, – последние силы ушли на дорогу из роддома, – провалилась в сон... Проснулась от мысли – надо что-то делать. Ясно, что в городе оставаться нельзя. Похоже, Анатолий был прав – немцы могут войти в город...

Тётя Миля, с куском серого хлеба и кружкой горячего чая, встревоженной остроклювой птицей склонилась над ней:

–пей чай, сладкий, у меня кусковой сахар ещё остался... Да, вчера с Наркомзема женщина приходила, спрашивала тебя, а я-то не знала, что ты в роддоме... Она сказала, что если ты объявишься, чтоб сразу бежала до них, прямо с вещами – послезавтра вечером, вроде, они своих вывозят – на Сарабуз, а дальше – не знаю, куда... Эх, Катерина, любя половина, угораздило же тебя в такую лихоманку родить... Ну, поспи, поспи ещё маленько...

С вещами... Как она, ослабевшая после родов, понесёт ребёнка, вещи?... Посмотрела на раскрытый чемодан, корзину с детским приданым... Надо взять самое нужное... Вывалив всё из чемода-

на, переложила туда только детское... Так... надеть другое платье – серое шерстяное, «институтское», старую жакетку – июль, но ночами холодно... Шёлковое, принесённое не к месту соседкой в роддом, сняла, бережно повесила в шкаф, рядом с любимым зимним пальто... Пригодятся после войны... Господи, а ребёнок-то?.. Акушерка говорила, что недоношенной девочке всё время надо быть в тепле, иначе умрёт... Ватного детского одеяла купить не успели – роды предполагались в начале сентября...

Вновь открыла шкаф, взяла ножницы, без сожаления отпорол от пальто чёрный драповый, на ватине, рукав... Так... В детских вещах должна быть клеёнка... Обернула ею тельце дочки прямо поверх пелёнки, вложила спящую кроху в тёплый кокон рукава... С ребёнком на сгибе одной руки, с чемоданом – в другой – зашла к соседке попрощаться.

– Тётя Миля, а вы-то как же, остаётесь?

– А куда мне, вон старик мой лежит, я ж его не брошу... Да мы старые, кому мы нужны... Что они нам сделают? Иди, иди, дочка, может, уцелеете с дитём... Как назвала-то?..

– Варей, Варенькой...

– Ну, храни вас Бог!

Контузия и послеродовая слабость сказывались ещё долго: она плохо помнила, как пришла в Наркомзем, как тряслась в набитом людьми и вещами грузовике до Сарабуза – крупной узловой станции, как, сидя на чемодане, кормила ребёнка, мучаясь от жажды, долгие часы вместе с другими эвакуированными ожидая хоть какой-нибудь поезд. В грязном, «скотовозном» составе ехали всего несколько часов. По вагону прошёл слух: едем к морю, в керченском направлении – видимо, будет переправа через пролив – Тамани пока ничто не угрожало.

Прохладной ночью выгрузились на какой-то плохо освещённой из-за бомбёжек станции. Дальше надо было идти пешком несколько километров до самого моря, далеко огибая керченский порт. Шли безмолвной людской цепочкой в полной тишине. Катя одеревеневшими руками держала ребёнка и чемодан – она не решалась расстаться с детскими вещами. Как во сне, брела непривычной каменистой дорогой, спотыкаясь от усталости заплетающимися ногами о крупную неровную гальку. Под утро, часа в четыре, вышли к наспех оборудованной переправе, в предрассветной мгле казавшейся издали тёмным

караваем, облепленным мухами, – люди лежали вповалку прямо на прибрежных камнях, ожидая своей очереди на погрузку. Суматоха, движение, сигнальные ракеты... Крым ещё не был взят, но «воздух» фашистские самолёты контролировали прочно – охотились за каждым отваливавшим от берега судном, стремясь как можно точнее сбросить на него смертоносный груз.

Катера, летние, прогулочные, хлипкие, могли стоять у берега всего несколько минут, набивая борт людьми до отказа. Кате повезло – два матроса, руководившие посадкой, увидев её, измученную, с грудным ребёнком на руках, вывели из «наркомземовской» группы, посадили на один из катеров без очереди. Наконец, судёнышко, тяжело переваливаясь от лишнего груза, вышло в открытое море. Небо прочерчивали прожектора, над головой довольно низко летали самолёты с крестами на крыльях, не жалея гибельных снарядов. Чтобы увернуться от бомб, катер вынужден был маневрировать, резко кренясь то на правый, то на левый борт, щедро зачерпывая при каждом крене тёмную солёную влагу.

...Она уже давно ничего не пила, не ела... Исходила слабым, но непрекращающимся, кровотоением. Дурнота от качки подступала к горлу, в глазах темнело... Её голова клонилась всё ниже и ниже... Руки, державшие ребёнка, разжались... Катя потеряла сознание...

Открыла глаза только на берегу – пожилой матрос плескал на её посеревшее лицо морской водой из парусинового корабельного ведёрка:

– Дочка, очнись... Ну, слава богу, ожила... А то совсем сомлела... На руках тебя вынес... Ну-ка, глотни спиртику из фляжки, не бойся, тебе сейчас нужно... Ты уж прости – чемоданы-то все повыкидывали, а то бы мы на дне уже рыб кормили... Ну, прощай, нам отчаливать... люди там ждут... А ты, считай, уже в безопасности... Вещи – дело наживное...

Катя не сразу поняла – в руках странная пустота... Чего-то не хватало... Наконец, сознание полностью вернулось к ней. Села, отбросила со лба влажные, в мелком бисере брызг, пропахшие морем волосы, ощупала руками мокрую гальку вокруг себя...

– А ребёнок, где мой ребёнок?..

– Какой ребёнок? Я не видел ребёнка...

– Он маленький, грудной, в рукаве от пальто... Ой, Варечка!

Доченька! Ой, я побегу туда! Ой, мой ребёнок!!!

– Куда ты пойдёшь, ты катер тот не найдёшь, там их много, да и назад на борт никого не пускают... Вот-вот отчалим...

– Ой, мой ребёнок! Ой, моя дочка!

Слёзы заливали Катину лицо, руки слепо шарили по прибрежным камням...

– Ладно, сиди, побегу, поищу ребёнка твоего, ежели не выдумываешь...

Матрос вернулся минут через двадцать с мокрым тёмным свёртком в руках.

– Ну, дитё твоё сто лет жить будет! Еле нашёл! Кругом бомбят, а он плавает себе под скамьёй – и к мамке не просится... Крепкий, видать!

– Это девочка, спасибо вам...

– Ну, пусть растёт красавицей, побегу!

Катя была счастлива: Варечка опять лежала на её руках, продолжая крепко спать, толстый драповый рукав даже и не промок насквозь, но теперь у неё не было ни одной пелёнки – чемодан отправили за борт.

Оглядевшись, она не увидела никого из наркомзёмовцев: оторвавшись от них ещё на переправе, Катя опять разминулась с ними, пока искала ребёнка. Вытерев слёзы подолом мокрого, солёного платья, она, нащупав обложку партбилета в кармане жакетки, пошла в комендатуру порта.

ОТЕЦ
(триптих)
Отец

В отце люблю гранитность духа,
Что только твёрже с каждым днём:
Почти нет зрения и слуха,
Но честь и мужество – при нём!

Он не меняет убеждений
И понимает, что к чему, –
Их в жаркой кузнице сражений
Пришлось выковывать ему!

Всегда отбрасывал потворство
Он, не теряя доброты,
И если есть во мне упорство,
То это след его черты.

Как он красив был в тридцать, сорок –
На фото впрямь восточный князь!
Но мне старик согбенный дорог:
Гляжу – и плачу, не таясь!

Он, защищавший Севастополь,
Нуждается в защите сам...
Позволь же мне, суровый тополь,
К седым прижаться волосам!..

Гора Госфорт

*Старое итальянское кладбище на этой горе времён
Крымской войны стало одним из плацдармов обороны
Севастополя в Великую Отечественную*

Гора Госфорт – нет склепов, стёртых дат –
Лишь камни от часовни псевдоримской...
Покоили там недругов-солдат
Войны, полузабытой ныне, – Крымской.

Не из-за них – неожиданный стук сердец,
Не из-за них – печаль и сумрак взглядов...
Стоял за Севастополь здесь отец
И, в связке с ним, – отцы скорбящих рядом!

Отечественной призваны войной,
Бойцы не сдали плаца под обстрелом!
Отец мой выжил, но погиб другой –
Прикрыв его прошитым пулей телом!

А шрамы от воронок и траншей
Ещё видны, хотя почти заплыли...
Но кактусов семейки – зеленой,
Заметней всем на толще брэнной пыли!

Неведомо, взялись откуда тут,
Где – в одиночку, где – колючим слоем,
Но раз в году прекрасней роз цветут –
Взамен венков неназванным героям!

Море-магнит

Это море-магнит
в зыбких снах навещало,
чтобы ширью сразить
в яви жаркого дня
и кульбитом дельфинов
сказать – ожидало,
много тягостных лет
ожидало меня!

Ныне я, наслаждаясь
кавказскою негой,
тихой ласкою волн,
что пушинки нежней,
видом чаек морских,
гомонящих над берегом,
не пугаясь людей,
не чураясь людей,

знаю: гены во мне
будят дух ветерана,
для которого свет
от контузии мерк,
помнят гены отца,
кто сквозь щель Инкермана
свой израненный торс
в море Чёрное вверг!

Вверил крымской волне
изнемогшее тело,
но живая вода
вдруг прибавила сил.
Словно сказочный джинн
управлял им умело —
но к линкору доплыл он,
к линкору доплыл!

Пусть Кавказ, а не Крым,
оживил то, что тлело,
что в душе опустилось
на самое дно...
Берега их роднит,
не имея предела,
море, море одно,
только море одно!..

ОЛЬГА ТКАЧЁВА (АНТРОПОВА)
член СПР, г. Шахты, Ростовская обл.

Ткачёва Ольга Яковлевна, поэт и прозаик, член СПР, живёт в городе Шахты Ростовской области. В 1973 году окончила строительный факультет НПИ имени Серго Орджоникидзе. Работала инженером-строителем в проектных организациях. Стихи и прозу пишет с юных лет, но серьёзно занялась литературным творчеством только после выхода на пенсию. С 2011 года является членом Шахтинского ЛТО им. Алексея Недогонова, а также литературной группы при городском культурно-досуговом центре «Постижение». Несколько лет посещала семинары (секция «Проза») при Ростовском региональном отделении Союза писателей России. В 2021 году была принята в члены Союза писателей России.

Стихи и рассказы О. Я. Ткачёвой печатались в литературно-художественных альманахах, коллективных сборниках и периодической печати городов Шахты, Ростова-на-Дону, Волгограда, Санкт-Петербурга и Москвы. Она – автор двух поэтических сборников: «На Грушевских берегах» (2012) и «Иллюзион» (2013), а также двух сборников прозы: «Шахтинские рассказы» (2020) и «Повести. Рассказы» (2021).

ВОЕНФЕЛЬДШЕР АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА

Очерк

Почти в каждой российской семье есть участники Великой Отечественной войны. В нашей семье — это отец моего мужа, Стефан Константинович Ткачёв. Отец и мать Стефана были родом из казачьей станицы Поповка, которая впоследствии стала одним из районов города Шахты. Стефан Константинович был плотного телосложения, выше среднего роста, широкий в плечах, смуглый, кареглазый, волосы тёмные. Чуть сдвинутые к переносице брови и орлиный нос придавали его лицу суровое выражение.

Во время Великой Отечественной войны он воевал на Западном фронте, на Донском фронте, на 3-ем Белорусском и на Первом Дальневосточном. Он был награждён боевыми наградами: двумя орденами «Красная Звезда» и медалями — «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Стефан Константинович родился 13 августа 1922 года в городе Шахты. В многодетной семье Ткачёвых, где было пять сыновей и две дочери, он был старшим сыном. Как и большинство парней его поколения, он любил заниматься спортом: играл в футбол, посещал секцию французской борьбы и секцию тяжёлой атлетики. После окончания восьмилетки он поступил в Шахтинскую фельдшерско-акушерскую школу, окончил её и по распределению уехал в город Сальск, где работал фельдшером. В ноябре 1940 года его призвали в армию. Стефан, как и каждый казак, мечтал служить в кавалерии, но в военкомате посчитали, что слишком он тяжёлый для кавалериста и, учитывая его физическую силу и спортивную подготовку, направили в полк дальнобойной артиллерии, оснащённый пушками крупного калибра. Стефан начинал службу в армии рядовым красноармейцем.

— Артиллерия — бог войны! — говорил он нам с гордостью. — Там не место хилым, нужна большая физическая сила, ведь нам приходилось вручную разворачивать пушки и подносить к орудию тяжёлые снаряды.

Когда началась Великая Отечественная война, полк, в кото-

ром он служил, находился в Ивановской области. Стефан Константинович рассказывал:

— Главной мишенью дальнобойной артиллерии были крупные скопления немецких войск. В начале войны у немцев было превосходство в воздухе, поэтому сразу же после обстрела противника нам надо было менять дислокацию. Если не успеть увезти пушки с того места, откуда стреляли, то немецкая авиация налетала тучей и начинала бомбить. А если погода была нелётной и вражьи самолёты не летали, то немцы начинали обстреливать нас из своих дальнобойных орудий. Мы, конечно, им отвечали — начиналась артиллерийская дуэль. Результат был непредсказуем. Тут всё зависело от скорости стрельбы и точности прицела. С первого раза уничтожить врага не всегда удавалось, тогда применяли приём, который назывался «взять в клещи». Суть состояла в том, что двумя залпами надо было пристреляться, а третьим — уничтожить противника. Но и фрицы применяли такую же тактику, поэтому надо было сделать решающий залп раньше, чем они. Перед этим решающим залпом время как бы замедлялось. Командиры батарей по специальным таблицам производили расчёты, отдавали команды, бойцы наводили прицел, заряжали орудия, производили залп по врагу, и казалось, что всё это происходит медленно, а на самом деле это занимало считанные минуты.

Но стрелять из дальнобойных пушек приходилось и с близкого расстояния. В битве за Москву, когда немцы подошли к окраинам города, полку было приказано выкатить пушки на передовую и бить по фашистским танкам прямой наводкой. Стефана Константиновича в одном из боёв сильно контузило. Хорошо, что успел он вовремя упасть на землю. Вся шинель на спине была иссечена осколками.

— Со временем, — рассказывал он, — приходит опыт, и, когда со свистом летит снаряд, ты уже знаешь, где он упадёт и куда бежать, чтобы укрыться. Однажды я вдруг почувствовал, что мне надо уйти с того места, где я стоял. Я отбежал подальше, спрыгнул в окопчик, и сразу в то место, откуда я убежал, попала бомба!

Полк, в котором служил Стефан Константинович, понёс большие потери при обороне Москвы. При переформировании он был переведён в санчасть санинструктором, а с марта 1942 года и до окончания Великой Отечественной войны он служил военфельдшером.

Ветераны Великой Отечественной войны в подавляющем большинстве не любят рассказывать о войне. Видно, тяжело им вспоминать пережитое. Обычно, когда Стефана Константиновича просили рассказать о том, что видел он на войне, ветеран мрачнел и отвечал:

— А что рассказывать? На войне как на войне!

Как-то раз, после долгих уговоров, мы упросили его рассказать про оборону Сталинграда.

— Ну, так и быть, — нехотя согласился он, — расскажу! Однажды так случилось, что нам на смену не подошли свежие резервы, не смогла пробиться и полевая кухня. Трое суток подряд, усталые и голодные, мы отстаивали занятые позиции. Спали урывками в окопах, прямо на снегу при сорокаградусном морозе. Восемнадцать разведчиков-наблюдателей отморозили кто руки, а кто — ноги. Пришлось мне с ними повозиться, но, к счастью, до ампутации не дошло.

Из продуктов у нас были только замёрзшие сухари, которые бойцы грызли на ходу. Воды не было, поэтому сухари заедали снегом. От этого губы и язык болели, опухали до такой степени, что речь становилась нечленораздельной. Удивительно, несмотря на такие тяжёлые условия, никто не заболел простудой. В такой обстановке о бане не могло быть и речи, а чтобы не завшиветь, мы сыпали дуст прямо за ворот на голое тело.

— Но ведь дуст — это ядовитое вещество, — возмутилась моя свекровь Татьяна Яковлевна.

— Конечно, — усмехнулся свёкор. — А мы тогда его за шиворот сыпали и ничего: кого пуля не достала, все живы...

Однажды нашим бойцам случайно прилетел с неба гостинец — немецкий контейнер с продуктами. Их самолёты сбрасывали контейнеры с продуктами для окружённых войск Паулуса. Видно, немецкие лёгчики промахнулись. В контейнерах были обычно: шпиг (производства 1937 года, очень вкусный), галеты, шоколад и сигареты. Нам понравились продукты из контейнера, и ребята придумали, как обмануть фрицев, чтобы получить «гостинцы» ещё не раз. Для этого наши самые отчаянные бойцы, в основном это были совсем молодые ребята, увидев немецкий самолёт, кружащий в небе, выскакивали из окопов, прыгали, махали руками и стреляли в небо сигнальными ракетами. Поначалу немецкие лёгчики принимали наших ребят за своих оголодавших солдат и сбрасывали контейнеры с продуктами. Несколько раз этот «номер»

удался. Наши бойцы, завидев вражеские самолёты, даже шутили: «Кормильцы прилетели!» Немцы скоро разобрались, что к чему, и по рации договорились с окружёнными войсками, в какой последовательности пускать сигнальные ракеты, поэтому обман не всегда удавался: иногда наши угадывали «пароль», а иногда — нет. Если не угадывали, то вместо контейнеров с продуктами из самолётов вниз летели бомбы и пустые металлические дырявые бочки из-под горючего для самолётов. Бочки, падая, испускали леденящий душу вой, и когда наши бойцы первый раз услышали его, то подумали, что немцы применили какое-то новое оружие. К счастью, бомб сбрасывали меньше, чем бочек, поэтому было мало убитых. В основном, после такой бомбёжки наши солдаты получали осколочные ранения или контузию.

— Это же ужасно, рисковать жизнью из-за шпига и галет! — воскликнула я.

— Тогда это было в порядке вещей, — ответил свёкор. — Бойцы говорили о погибших в таких случаях: «Знать у них судьба такая! Помереть можно и от шальной пули».

Всю войну Стефан Константинович находился на передовой, но по воле судьбы ни разу не был серьёзно ранен. Он как медицинский работник честно выполнял свой долг — спасать и лечить раненых бойцов и командиров, но если возникала необходимость, то снова становился к орудию и стрелял по врагам.

Вот выписка из приказа о награждении С. К. Ткачёва медалью «За боевые заслуги»:

«Лейтенант ТКАЧЁВ С. К. в должности военфельдшера служит с 15 марта 1942 года. За этот большой период времени тов. Ткачёв спас жизнь многим товарищам. В своей работе тов. ТКАЧЁВ не считается с временем, в любой час дня и ночи, по первому требованию он всегда оказывает надлежащую помощь. Участвуя в разгроме немецких войск под Сталинградом в период с 09.01.43 г. по 02.02.43 г. — тов. ТКАЧЁВ, будучи на наблюдательных пунктах, спас конечности от обморожения 18 разведчикам-наблюдателям, оказал первую помощь трём связистам, получившим ранения от вражеских мин.

Будучи участником прорыва обороны противника под Оршей, у границ восточной Пруссии, и участвуя в боях в восточной Пруссии — тов. ТКАЧЁВ всюду проявлял свою заботу к бойцам и командирам, оказывая им необходимую помощь. 22.02.45 года

в районе ЛИЛИЕНТАЛЬ во время разведки огневых позиций автомашина подорвалась на mine, где получили тяжёлое ранение шофёр и три бойца, а также получили лёгкие ранения ещё четыре человека. Всем раненым со стороны тов. ТКАЧЁВА была оказана немедленная помощь — все бойцы вернулись в строй.

Своей самоотверженной работой лейтенант м/с ТКАЧЁВ С. К. спас жизнь многим бойцам и командирам».

Среди взрывов мин и снарядов, под обстрелом вражеской артиллерии, наперекор войне, вспыхивала настоящая любовь. Через всю свою жизнь Стефан Константинович пронёс нежное чувство любви к фронтовой подруге — санинструктору Ольге Щепотьевой.

Девушкам-санинструкторам, вчерашним школьницам, юным и хрупким, приходилось вытаскивать на себе раненых бойцов с поля боя. Порою ноша казалась непосильной, но девушки, чуть передохнув, снова упорно выносили раненых бойцов с поля боя в медсанчасть под свист пуль, разрывы мин и снарядов. Наградой за тяжкий труд служило осознание того, что тобой спасена ещё одна человеческая жизнь, да ещё — скупые слова спасённых бойцов:

— Спасибо, сестричка!

Стефан и Ольга служили какое-то время в одном полку, а потом получилось, как в песне: «Дан приказ ему — на запад, ей — в другую сторону...».

Прощаясь, они верили, что после войны встретятся. Но вышло по-другому: Стефан Константинович прошёл всю войну и остался жив, а Оля погибла под Курском. Откуда родом была эта девушка, мне так и не удалось узнать. Стефан Константинович всегда замыкался в себе, когда я начинала его расспрашивать. Трагическая судьба Оли Щепотьевой глубоко тронула меня, и я посвятила ей своё стихотворение.

САНИНСТРУКТОР ОЛЯ

Нет могилы у кудрявой Оли...
Мины взрыв... и в час последний свой,
Раненых, страдающих от боли,
Ты спасала, жертвуя собой.

Лишь воронка на земле осталась,
А на старом фото тех времён

Оля беззаботно улыбалась,
Ветер шевелил кудряшек лён.

Вот какая выпала ей доля:
Лишь весна цветущая придёт —
Санинструктор ясноглазый Оля
В поле васильками расцветёт.

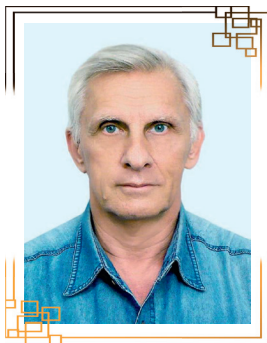
Я смотрю, роняя тихо слёзы,
На цветы, пестрящие в полях,
И гремят весной над ними грозы,
Словно память о былых боях.

Фронтовую фотографию Оли Стефан Константинович хранил всю жизнь. Она и теперь лежит в семейном альбоме как память о его военной молодости. Победу над фашистской Германией Стефан Константинович встретил в Восточной Пруссии. Но война для него не закончилась, он был направлен на Дальний Восток, где шла война с Японией.

После капитуляции Японии он остался служить на Дальнем Востоке в Приморском крае, женился, вырастил с женой Татьяной Яковлевной двух сыновей — Сергея и Александра. В отставку вышел в 1966 году в звании майора и вернулся в родной город Шахты. В последующие годы он работал заведующим здравпунктом в Шахтинском горном техникуме. Его как Ветерана Великой Отечественной войны часто приглашали в школы на мероприятия, посвящённые Дню Победы. Стефан Константинович умер в 1995 году.

Память о нём свято чтут в нашей семье, а одного из правнуков называли в его честь — Стефаном.

АНАТОЛИЙ ТОКАРЕВ
член СПР, г. Ростов-на-Дону

Токарев Анатолий Павлович, член Союза писателей России с 2018 года. Начиная творческий путь в литобъединении «Дон». Имеются публикации в периодической печати, в коллективных сборниках, в журналах: «Окно» (Санкт-Петербург), «Притяжение» (Москва), «Дон Новый» (Ростов-на-Дону). Изданы авторские книги: «Тайна встреч и расставаний», «Память» и «Сокровенная пристань». Участвовал в литературных конкурсах Москвы, Петербурга, Калининграда, Костромы, занимал призовые места, отмечен дипломами.

САХАРОК

Рассказ

Война! Фашисты приближались к Донбассу. Горе, как перекасти-поле, катилось по шахтёрским дорогам. Привычная мирная жизнь рушилась с грохотом, голод и разруха стучались в двери домов. Вереницы женщин шли по дальним сёлам обменивать вещи на продукты. И девочка Варя потянулась за ними.

— А кто, если не я? — вздыхала девочка. — Мама болеет, а сестричка ещё маленькая.

Тронулся поезд в наступающую ночь, и Варя, спрятавшись в уголке открытой платформы воинского эшелона, замерла. Дядька в военной форме сказал ей, чтоб сидела тихо, как мышь: они пе-

ревозили орудия, и посторонним здесь быть не полагалось. И она притаилась, словно её здесь и не было, только бережно прижимала к себе свой мешок.

А звёздочки на небе проклёвывались, мерцали, казалось, успокаивая её. Но вскоре тучки наполнили, и совсем потемнело. На душе Вари стало тоскливо, забеспокоилась: как там мама с сестрёнкой? Только и теплило её сердечко то, что она хоть немножко сегодня наменяла.

Военный, охранявший орудия, сидел, покуривал сигарку, свёрнутую с тем табачком, что девочка щедро отсыпала ему из коробочки, достав её из мешка. Она сообщила, что это отцу наменяла. Как придёт с фронта на побывку, — угостит его табачком, обрадует.

Сжалился военный над девчонкой с тощим мешком, в котором, как она сказала, чего-то выменяла для своей больной матери и младшей сестрички. Взял тайком её. Пропадёт же здесь ночью дитё.

Дядька с тоской посмотрел на всё гуще темнеющее небо на западе: «Э-хе-хе. И у них многие с завода на фронте. А там такая война, такая... Вернётся ли её отец домой? А табачок ничего. Пожертвовала ради мамы с сестрёнкой. Да он бы и так её взял, без табачка. Приметил, как долго она, бедная, на перроне толкалась вдоль поезда, никто эту малую замухрышку не хотел брать. Измаялась. Бабы, те порасторопнее».

Сжалился он над ней, у самого такая же малая дочка.

Варя вспоминала, как бабы смеялись над ней перед менкой, мол, что же это она только платок несёт да моток ниток. Хотя у неё был не один моток, а целых пять, и разных цветов. Больше всех смеялась тётка Клава, что жила через дом от них. У которой никогда ничего не выразишь. Но она любила посмеяться над другими. Мама говорила, что тот, кто много смеётся, тот будет много плакать.

«И чего смеяться? — подумала Варя невесело. — Маме теперь не до вышивания. А какие у неё красивые вышивки получались!»

Варя мечтала, как вырастет, и у неё будут тоже такие же, как у мамы, яркие солнечные вышивки.

«Теперь не будут. Где я ещё такие красивые нитки возьму?»

Вспомнила, как мама на дорожку сказала больным, слабым голосом:

— Береги себя, Варенька. Держись баб, они не дадут пропасть. И не задерживайся до ночи.

А дядька, поглядывая на неё, вспоминал свою дочку. Варя, сморенная тяжёлым днём, тихо посапывала. Глаза военного потеплели — дочка такая же курносая. Так же, засыпая, сопела в две сопелочки, и глазёнки у неё такие же синие... И как они с матерью доехали до Урала с эвакуированными с завода? Хоть бы их не бомбили. А может, письмо от них уже ищет его по фронтовым дорогам?

Глядел он на девочку, на её воспалённые глаза, и ему было жалко и боязно за чужое дитя, как за своё. Что оно ещё будет? Война никого не щадит. Сколько людей сейчас голодует, побирается и меняет одежду на хлеб. Один разор от этой треклятой войны.

Выпустил клуб горького дыма с тоскливой мыслью: «Лишь бы фашист сюда не дошёл».

Сердце его забилося гулко, как колёса поезда о стыки, отсчитывающие километры, оставшиеся до фронта. Тревожно стало.

Варя потёрла кулачком глаза, понимая, что надо не спать, а то проедет свой переезд. Но голова тяжело склонялась, и всплывало перед глазами, как бабы позавидовали ей, когда она выменяла на нитки немного зерна, которое в мешок насыпали, и даже табачка дали в красивой коробочке.

Тётка Клава завистливо вздохнула:

— Везёт же! А табак тебе зачем? Отдала бы мне, — куда только её смех делся.

Но Варя отказала:

— Это папе.

— Когда твой папка ещё появится — неизвестно, — хмыкнула тётка Клава, но настаивать не стала, а всё же приклеилась с ней ходить.

— Ты удачливая! Я с тобой похожу. И тебе будет не страшно.

И то ли слегка улыбнулась, то ли скривилась. А почему же она к бабам не прибилась, а к ней, — Варя не поняла. Но больше удача ни ей, ни тётке не сопутствовала. Они устали и, подходя к околице села, уже еле волочили ноги. Тётка начала как-то неприветливо на неё поглядывать, и во взгляде читалось: и чего я с этой девчонкой связалась?

А Варе в сонном забытии вдруг послышался тихий голосок сестрёнки: «Конфетки мне принесёшь?»

«Глупенькая, где же я конфетку возьму?» — печально подумала тогда Варя, а теперь ей и сквозь дрему было радостно: она же сестричке грудочку сахара везёт.

Дядька с тревогой посмотрел в темнеющую даль. Не проехать бы переезд этой малышки. Он уже не в первый раз перегонял военную технику на фронт и знал, что на том её повороте притормаживает поезд и можно на малом ходу девочке спрыгнуть. Только бы не зашиблась... А глаза у неё прямо дочкины. Глянет — и теплее на душе. Столько в них синевы, и такие же длинные трепетные ресницы.

Он вздохнул, на его суровом лице пробилась мечтательная улыбка, и тенькнуло сердце солдата в груди.

А ночь, казалось, набегала зловеще, будто её гнал ветер со стороны врага. Дядька горестно качнул головой:

— Скорее бы сломить фашисту хребет! Едят его мухи.

А Варе всё мерещилась та длинная улица в селе, по которой они с тёткой шли. На ней было пустынно, неуютно, и под ложечкой у Вари от голода сосало. Тётка Клава совсем отчаялась, что не сможет ничего выменять, и захныкала, слезу пустила, как маленькая. Только слеза была недобрая.

И почему-то она стала ворчать на Варю, будто эта девчонка во всём виновата.

— И баб наших не опередишь, не угонишься за ними, и с тобой никакого толку.

И куда девалось её прежнее веселье. А в сумке у тётки была ещё всякая одежда для обмена, хоть и потрёпанная, но среди всего старья лежала кофточка поновее.

Остановились они у предпоследнего дома.

— У меня уже нет сил. Язык не шевелится. Иди сама проси, — раздражённо, но с жалостливой ноткой, пробормотала тётка Клава.

Что-то в её голосе не понравилось Варе, но она не стала обижаться, а, накинув на плечи свой цветастый платок и с кофточкой тётки в руках, смело вошла в дом, удивляясь сама себе.

За столом сидела хозяйка с двумя дочками. Они обедали.

Женщина сурово взглянула на неё:

— Это что за явление и без спроса?

Варя испугалась, что её выгонят, и расплакалась:

— Не гоните меня, пожалуйста. Мама совсем обессилела, бо-

ится даже сюда войти. Хотя немного хлебушка нам дайте. У меня вот кофточка и платок. Пожалуйста, добрая тётчка, помогите.

Хозяйка выглянула в окно и увидела поникшую тётку Клаву, проговорила:

— Нашла добрую. Подлизываешься.

Но тут одна из дочек неожиданно шустро поднялась и, взяв кофту, примерила её на себя. Кофточка была хоть немного великовата, но шла ей.

Сестра воскликнула:

— А тебе к лицу! А ну-ка, девочка, дай мне платок, — и накинула его на свои плечи. — Mam, как тебе?

— Никак! Угомонитесь, — проворчала она, но тут же примирительно добавила: — Ну что с вами делать? Модницы выискались. Нашли время прихорашиваться. Разорите вы меня совсем.

Она отрезала Варя полбуханки хлеба:

— Больше не дам. Сами скоро будем голодать. Так оставляешь вещи или как?

Варя радостно закивала головой.

— Ну тогда, дочка, — приказала хозяйка «моднице» в кофточке, — дай ей ещё цибульку.

Варя вдруг осмелилась и попросила:

— Сахарочек бы для сестрички.

Хозяйка прерывисто вздохнула и дала ей большую грудку колотого сахара:

— Ну разве для сестрички.

И Варя потом бережно несла сахар и ни разу его не лизнула.

Дядька смотрел на девочку, и вдруг на её лице проявилась улыбка, глаза на мгновение открылись.

Его лицо посветлело.

— Замаялась бедная. — Но девочка снова прикрыла веки.

Он пощупал мешок Вари, заглянул внутрь, а там зерна-то маловато. Так лишь горстку муки намелют. На один прикус. Ещё там болталась одна луковица и грудка сахара.

Тягостно ему стало. Достал он свою солдатскую пайку и тихо, чтобы не побеспокоить девочку, сунул хлеб, банку консервов в мешок, где жиденько плескалось на дне зерно. Коробку с табачком засунул поглубже, чтоб не потеряла. Вдруг она приедет домой, а там батька ждёт. На побывку, может. Курнёт, и хорошо будет на душе брату-фронтовику, — и сам дядька расплылся в улыбке.

Внезапно в небе загудели самолёты.

— Не дай бог бомбёжка! — забеспокоился он. — Не выживем.

Свиста пикирующего бомбардировщика он наслушался. Страшный звук. В землю вдавливают.

Но самолёты пролетели высоко в чёрной темноте мимо.

Дядька укрыл девочку своей шинелькой, словно хотел защитить её от всех бед. И вдруг у него перехватило горло. Может быть, кто-то и о его дочке позаботился, пожалел чужую девочку, как свою родную. А сколько ещё этой девчужке предстоит пережить мытарств, и сама она не ведаёт.

А Варя в зыбком, тревожном сне видела, как наяву, всё, что с ней приключилось сегодня.

И то, как она, радостная, выскочила из дому и закричала:

— Тётя Клава, я выменяла хлеб на вашу кофточку и мой платок!

Но тётка почему-то не выразила бурной радости, а, схватив хлеб, спрятала за пазуху:

— Вот кулёма, не могла больше выменять. И чего я сама не пошла? Дурят малых.

— Тётя Клава! — ошеломлённо вскрикнула Варя. — Это же нам на двоих.

А тётка злобно взглянула на неё:

— Хватит с тебя и луковицы с зерном. А может, ты ещё чего-то зажала? — И на удивление быстро зашагала, а ведь только что еле-еле плелась за ней.

Варя растерянно побежала вслед:

— Тётя, так нечестно.

Но тётка Клава, не оглядываясь, шла по дороге, словно убегала.

Варя забежала наперёд:

— Как вы можете, мы же помрём с голоду.

Но та подняла с обочины дороги палку, лицо сделалось злым, и она прошипела:

— Уйди, зараза малая. Как ты мне надоела.

И Варя отступила, плача, и только взмолилась:

— Не бросайте меня. — И робко укорила, — Как же вы будете смотреть в глаза моей маме?

Но тётка Клава, как-то криво улыбнувшись, фыркнула, передёрнула небрежно плечами и так разошлась широким шагом, что скоро скрылась из виду.

Варя всхлипнула, солёные слёзы поползли по её щекам.

— Как боязно жить, — с горечью прошептала она и, перекинув тощий мешок через своё худенькое плечо, пошла сама.

Было горько и сиротливо у неё на душе. Вспомнила, как от голода и болезни потемнели глаза у мамы — совсем они запали. Вспомнила и такие доверчивые синие-пресиние глаза сестрёнки, которая её ждёт. И вроде силы прибавились, она ускорила шаг.

Подходя к вокзалу уже в сумерках, услышала, как что-то ухнуло — пугливо вздрогнула. Не бомбят ли вокзал? Но это грохнули буфера при стыковке паровоза с вагонами. А в тишине этот звук так резко прозвучал, что напомнил Варю взрывы бомб.

И вдруг она почувствовала, как кто-то тормозит её.

— Дочка, просыпайся, — это будил её дядька. — Ты чего всхлипываешь? Твой уже переезд, скоро будешь дома. Видишь, поезд притормаживает. Сейчас я сброшу мешок, а ты прыгай следом за ним.

— Дядя, я боюсь, а вдруг в темноте мешок потеряется? — и в её глазах всплыл страх.

— Глупенькая, не потеряешь, а с ним можешь ушибиться. Смотри, какой откос крутой. Ты только не торопись, сейчас скорость снизится. Прыгай не по ходу, а наискосок, и ножки согни. Сейчас, сейчас, родненькая, я скомандую. Прыгай! — громко выкрикнул он и бросил мешок.

Варя, закрыв глаза, прыгнула.

Только и услышала издали:

— Жива? Счастливо, дочка! Береги себя.

И поезд, набирая скорость, растворился в темноте, спеша к фронту.

Девочка последних слов и не слышала. Она летела с откоса и билась о щебёнку, пока наконец не скатилась в пожухшую траву. И первая мысль была не о том, что она могла покалечиться, а где же мешок? Варя с рёвом начала его искать. Луна одиноко выплыла на небо и тускло осветила землю, словно намеренно для неё. Она пригляделась. А вот и мешок! Завязка развязалась и из него выпал присыпанный табачком кусок сахара. Зерно осталось на самом дне мешка и не рассыпалось. А там ещё лежала четвертинка хлеба из солдатской пайки.

— Откуда же хлеб? — вскрикнула она, вытирая слёзы. — Его же тётя Клава забрала. — И вдруг всё поняла, закричала вслед

исчезнувшему поезду: — Дяденька, спасибо!

А банка консервов ещё при падении выкатилась из мешка и затерялась в траве. А Варя о ней и не знала. И цибулька укатилась, но радёхонькая хлебу и сахару, она этого не заметила. На небе высыпали звёздочки и приветливо мерцали.

Когда Варя в лунном блеклом свете пришла домой, больная мать, не сомкнувшая ни на минутку глаз, слабо прижимала её, целовала:

— Варенька, я чуть не умерла. Молила бога, звала тебя. Я же говорила, не надо ночью ехать, баб держись, — и плача она божилась, что больше никогда не отпустит её на менку. А сестрёнка пока сладко посапывала, не зная, что её ждёт пропахший табачком хлеб и сахарок.

Но Варе ещё не раз пришлось ходить на менку. Нужда, принесённая войной, многих гнала, чтобы выжить, не разбираясь, стар ты или млад.

Война, злобно схватив за горло страну, неумолимо приближалась к Донбассу.

ЕЛЕНА АРЕНТ
ЧЛЕН СПР, Г. ТАГАНРОГ, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Арент Елена Линусовна, член Союза писателей России с 2015 года, поэт. Печаталась на страницах газеты «Таганрогская правда», «Донской писатель», в литературно-художественных альманахах «Берега», «Вехи Таганрога», «Дон и Кубань», «Европейская словесность», «Донские рассветы», «Дон новый» и др., а также в коллективных сборниках «Я пробую перо», «Рождено слово», «Золотое перо Дона» и др. Становилась финалистом и дипломантом российских, областных поэтических конкурсов. В 2015 году выпустила две книги стихов «После долгих зим» и «Песчаный берег», в 2016 году вышли в печать книги «Дорога» и «Островок», в 2021 – «Зов реки весенней» и «Звон колокольчика», в 2023 – сборник «Словно неба синева», куда вошли лирические стихи и поэтические переводы автора.

В НЕПРИМИРИМОМ СЛЕПОМ ОГНЕ

В непримиримом слепом огне
Бежала девочка от войны,
И было страшно самой войне
От человеческой той вины.

Дивился омут лихих годин:
Судьбе под ноги ложилась гать,
Когда, младенца прижав к груди,
Звала святых молодая мать.

Когда под взором чужих бойниц,
Седой, от ран умирал старик,
Седое небо склонялось ниц
От непосильных людских вериг.

Оно спасало – наперекор –
И леденящую грело кровь,
И в Богородичный тот покров
Живые веруют до сих пор.

ДОРОГИ ВОЙНЫ

Пехота, обозы, танки...
Дороги тяжёлой свитой
Изношены до изнанки,
До вод грунтовых избиты.

И слякоть – подвижной ртутью,
И пули – иглой свинцовой...
Был белый снег первопутя
На чёрный перелицован.

И, сотни распутиц кряду
Меня излом обочин,
Без счёту рвались снаряды,
Без устали – дни и ночи.

И кланялся мир прощённый
Под залпы своих орудий
Дорогам войны, мощённым
Брусчаткой солдатских судеб.

ТАТЬЯНА ВОЛОКИТИНА
ЧЛЕН СПР, г. ТАГАНРОГ, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Волокитина Татьяна Лукинична, член Союза писателей России с 2018 года, поэт. Живёт в г. Таганроге. Пишет лирические, духовные стихи, увлекается поэтическими переводами. Печаталась в литературных сборниках «Берега», «Вехи Таганрога», «У солнечных часов», «Гавань надежды», «Рождалось слово», «Золотое перо Дона», «Дон новый» и др., в газетах «Таганрогская правда», «Гомельская правда», «Донской писатель» и др. Издано несколько авторских сборников Т. Волокитиной, среди которых: «Ход часов небесных» (2016), «У кромки млечного порога» (2016), «По праву земного родства» (2018), «Жизнь длиною в любовь» (2023).

ТАМ, ЗА ВОЙНОЮ

Свет на Земле! И до срока
Будто война отступила –
Божия милость! Сорока
Пёрышко в снег уронила.
Двор весь в снегу. А берёзы
Тянутся кронами к сини.
С веток закапали слёзы –
Скоро весна у России.
Чудное место у Бога –

Сей уголок мироздания!
Стану немой у порога
Слушать берёз тех сказанья.
Звуков и нот вереница
С каждой минутой блаженной,
А щебетание птицы
Жизни самой сокровенней.
Миг этот Божьего кроя,
Он на Земле не бессмыслен —
Видится: там, за войною,
Лик у России пречистен.

МАЛЬЧИК И ВОЙНА

Рукою злодея-алчника,
В бою поразив навек,
Война забирала мальчика,
Кровавый выписав чек.
Война, поганка-поганина,
Зачем же толкнула ты
Мальчишку, кровинку мамину,
С утра умирать в цветы?
И в кителе, чуть поношенном,
Лежал он в лучах зари,
Фашистскою пулей скошенный,
На поле родной земли.
И солнце взошло. Над мальчиком
Земной наклонился шар.
И лёгкий звон колокольчиков
Слезой его отпевал.
Как ангел, под складкой знамени,
Что полк к голове пригнул,
Тот мальчик, с любовью маминой,
В бессмертье своё шагнул.

РОМАШКОВАЯ БАЛЛАДА

Средь тишины из влажных трав
Ромашка выплеснулась цветом,
И, над слепой войной восстав,
Душисто пахла домом, летом.
В ней колосилась птичья трель...
Но вражья гусеница дерзко
Втоптала в грязь под крики «шнель!»
Ромашки жёлтенькое сердце.
А из окопа наш солдат
Не мог глазами оторваться
От этой казни... Но комбат
Велел в атаку подниматься.
И, в рукопашную сойдясь,
В неравном смертном поединке
Полк отнимал за пядью пядь
У немцев поле, лес, ложбинки...
Когда утихнул боя шквал,
Под танком робко, неумело
Солдат – и мёртвый – прикрывал
Ромашки солнечное тело.
И было всё предрешено
Ещё до боя, изначально,
Ведь были, есть и будут вновь
Век на Руси такие парни.
И каждый – сын, а не наймит,
В любом бою, как верный воин,
Живой и мёртвый, защитит
Своё ромашковое поле.

КУРСК 2024

Над землёй моей великою –
Вражья речь.
Русь, твои просторы тихие
Мне стеречь.
Знай, кольчуга правды – действенно

На плече.
И рука судьбы – ответственно
На мече.
Всё мощнее клич воинственный,
Рифмы шквал.
Всё усердней глас молитвенный,
Строк накал.
В бой полки несметны двинулись
Слов моих.
Храмы дивные воздвигнулись
На крови.
И от неба – откровение:
Мир в очах.
Люциферова глумления
Смят очаг.
Вновь над Русью – светлоликая
Божья рать.
Никому просторы тихие
Не отнять.

МОЛИТВА НЕБА

Молитва неба, и молчанье камня,
И сонной птицы звук. А на виске
Глубинной ночи – лунное сиянье
И мира боль, сокрытая в тоске.
Ту боль, кружась, донёс до сердца ветер –
Сюда, к сосне, где трав густой настой,
На веки неба положив сон ветел,
Но от войны не выпросив покой.
Идёт война! Священная! В окопах
Вся Русь: мой брат, мой сын, мои друзья.
Шипит на нас змеиная Европа,
Оскал нацистов щерится, что зря.
Стою, предвидя путь длиною в Вечность.
О, мужество моё, побудь со мной!
Вся тишина, побудь здесь в этот вечер.
Сойди с небес, мой ангел, и укрой.

Укрой бойцов крылом своим бессмертным,
Страну мою, мой дом, где спит сосна...
Вновь «Град» шарахнул! Бьют нацисты-черти!
Но близко май! – Победная весна!

ПИСЬМО

*подвигу всех мальчишек-воинов СВО
и их матерей посвящается*

От воя мин на сердце холодок,
И пулемётчик вражеский ярится...
А мама пишет: «Будь здоров, сынок!»
Её письмо за пазухой хранится.
Вот сходу взят бандеровский укреп,
Немецкий танк с крестами – всмятку – рядом.
В ответ плюётся «Хаймарсом» вертеп
Нацистских гнид, и нет конца снарядам.
Но, теплотой письма того согрет,
В самом аду, среди взрывов ураганных,
Он бьёт врага, чтоб мирным был рассвет
У Родины и у любимой мамы.
А там, в краю родном, среди берёз,
Зимой и летом, с верой заповедной,
Взывает мать: «Спаси его, Христос!
И иже с ним верни домой с победой.
Сын молод так! Ещё совсем не жил...
Ему б девчонку целовать под вишней,
Но поцелуев тех не пригубил...
Спаси его рукой своей Всевышней.
Взамен мою Ты жизнь, убавив срок,
Прими с любовью... Лишь его не трогай...»
И снова пишет: «Бей врагов, сынок!»
И снова молит со слезами Бога.

ВНЕМЛИ, ЧЕЛОВЕК!

Ангелов Аллея. И во мне
Сердце – болью, влагою – ресницы
Полнятся... Их лики наравне
Со святыми будут век в Божницах.
Здесь, пробив снарядом синеву,
Дух войны дохнул своею силой.
Замертво упал малыш в траву,
Сталь осколков в сердце угодила.
Смерть была с войною заодно!
И ромашки, налитые кровью,
На лугу, не кошенном давно,
Скорбь узнав, склонились к изголовью.
А потом ещё, как вороньё,
Враг бомбил Донбасс, и, с дикой злобой
Смерть неся, сливал своё враньё
Англо-европейским русофобам.
И они, добавив в чашу зла,
Изуверам вслух рукоплескали –
И Аллея Ангелов росла,
А нацисты жгли и убивали.
Эту боль не выплакать вовек!
Слёз не хватит!.. Разум не осилит!..
Ангелов тех детские могилы
Вопиют к нам: «Внемли, человек!»

ИЮЛЬСКИЙ МОТИВ

Задымлённый боями июль,
Исповеданный тёплым дождём,
Облачался в небесный велюр,
Обручался в листве с соловьём.
Сеял свет от огнистой зари
На истерзанный танками луг,
В наш блиндаж проникал, ободрив
Несказанным пророчеством дух.
Лёгкой бабочкой сев на шеврон,
Отзвук мирного счастья дарил.
И победный нам слышался звон,
Придавая в войне этой сил.
И, молитву с бессмертьем смешав,
Во Вселенную дверь приоткрыв,
Истекала истомой душа
В тот предвечный июльский мотив.
Он звучал среди жизни и бед
Как надежда, где стих артобстрел.
И казалось, войны больше нет,
И бессмертник у ног розовел.

НАТАЛЬЯ ВОРОНИНА
член СПР, г. Красный Сулин, Ростовская обл.

Воронина Наталья Яковлевна, член Союза писателей России с 2021 года, поэт. Живёт и работает в городе Красном Сулине Ростовской области. Руководитель городской литературной группы «Дар». Соавтор коллективных сборников и литературно-художественных альманахов: «Сулинские рассветы», «И душа с душою говорит», «Содружество Муз», «Донские волны», «Я пробую перо», «Рождалось слово», Донской литературный альманах. Автором издано несколько поэтических книг, среди которых: «Ожерелье чувств» (1997), «Разговор по душам» (2010), «Отпущу тревоги» (2018), «Притяжение души» (2018), «Солнце выправит сюжеты» (2021).

ОСТАНЬСЯ ЖИТЬ!

(памяти деда)

Мой дед на фронт был призван в сорок первом,
Шагнув в огонь и дым передовых,
Где раз за разом, проверяя нервы,
Судьба решала – числить ли в живых?..
А дома доставалось чайным чашкам,
Оставленным на память, для детей,
Что за войну случалось не однажды –

Разбилась чашка – ранен, – жди вестей!..
...Вновь дрогнула рука любимой дочки –
Последней чашки выдался черёд,
А от отца – давно уже ни строчки,
И неизвестность долгий, трудный год...
Но девочка, поплакавшая горько, –
Отца подарок надо сохранить! –
Сложила те осколки хрупкой горкой
И склеила, шепча: «Останься жить!»
И он вернулся! Словно из обломков
Души и тела связанный мольбой,
И праздновали громко и негромко
Под отблеск чашки бело-голубой....
Ранений пять – и пять разбитых чашек...
Весь в шрамах, вспоминал последний бой
И госпиталь, где стал «рождённым дважды», –
Вот склеили, отправили домой...
Девчонка та моею стала мамой,
А дед прожил недолго и ушёл...
Оставив нам в наследство фото в рамке
И мирные поля земли большой.
А говорят: разбитое не склеить!..
Но у войны особенный расклад –
И всех осколков ветрам не развеять!..
А нам сберечь бы тех историй клад...

ВОЗВРАЩАЕТСЯ ПАВШИЙ

*(обнаруженные в Воронежской области
останки бойца
Великой Отечественной войны
перезахоронены на родине –
в г. Красном Сулине)*

Безымянных могил не должно оставаться,
Безымянных солдат убывает число;
Поиск – трудное дело, за него важно браться
Тем, кто сердцем горит, чтобы вновь повезло.
Обожжённые дни и суровые даты –

Сколько скорби хранит под ногами земля! –
Да не будут забыты, замыты, распяты
Погребённые в толще времён имена!
...Шли солдаты на бой, защищая Отчизну,
Порох, пепел и кровь, пелена над судьбой,
Знали, если погибнешь, – отыщется гильза,
Та, где имя и адрес сторонки родной.
А война всё мешала кровавые карты,
Погребала в болотах, степях и лесах,
Ждали дома вестей от сыночков, от братьев,
И невесты порой засыпали в слезах...
Не стирают года этой скорби и боли,
Важно душам бессмертным покой обрести, –
Те останки находят в тоскующем поле,
Словно тайну души ощущая в горсти.
Поколение юных приходит на смену
И, внимая рассказам, на поиск встаёт,
На российской земле эта память нетленна –
Возвращается павший, встречая свой род!
Пусть вот так – «на щите», всё равно победивший,
Он под небом родным упокоится вновь,
Да помогут и впредь небеса тем, кто ищет,
Сохранять, уважать память, долг и любовь!

ГДЕ-ТО РЯДОМ БЕДА

Что-то снова не то,
И не те, и не так, –
Залепило стекло
Болью новых атак.
Здесь в камине огонь,
Там – огонь батарей,
Не спасает ладонь,
Что на сердце, людей...

Где-то рядом беда
Чёрной птицей кружит,
Ледяная вода
В тёмных омутах лжи...

Там, в окопах, не мёд,
Здесь и мёд нам не впрок;
И война ли идёт
Или страшный урок?
Или сон наяву? –
Вот проснуться бы всем!
Но – судьба на кону,
Но – черёд перемен.
И за правду бои –
Время выбрало нас;
Дорогие мои,
Всем бы сил про запас!
И – России стезя,
Что из века своя,
А по стёклам слеза –
Солон дождь на поля.

ЗА НИХ...

Бывали войны на земле –
И нас не миновало –
Как будто стужам в феврале
Случилось места мало!..
Молитесь матери за них,
Ушедших в лёд и пламень;
Пусть наши души, песнь и стих
Сегодня будут с вами.
И с теми, кто уходит в бой,
И с теми, кто на тризне...
Будь с нами Бог и свет живой,
И жизнь во имя жизни!

ОЛЬГА ГУБАРЕВА
ЧЛЕН СПР, г. БАТАЙСК, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Губарева Ольга Ивановна, член СП России с 2001 года. Родилась, выросла и долгое время жила и работала в селе Сандата Сальского района. По профессии экономист. Печаталась в газетах «Комсомольская правда», «Комсомолец», «Молот», журналах и альманахах России, Болгарии, Венгрии. Выпустила 11 книг поэзии и прозы. Многие стихи поэтессы положены на музыку, выпускались на фирме «Мелодия» и на кассетах. Сейчас живёт в г. Батайске Ростовской области.

СОН

А по ночам ему из года в год,
Из ночи в ночь одно и то же снится:
Бьёт с высоты фашистский пулемёт,
Ни обойти его, ни заслониться.

Той высоты – всего-то ничего!
Куда повыше есть порой высоты.
А только здесь полроты полегло.
За островок земли легло полроты!

И сколько предстоит их взять потом –
Высот и речек – кто припомнит точно?
Как много лет кровавым, тяжким сном
К фронтовику бои приходят ночью.

Нет, для него не кончилась война,
Хотя о снах его никто не знает.
Лишь вздрагивает по ночам жена,
Когда он взвод в атаку поднимает.

***

А там, где раньше шла война,
Сейчас такая тишина!
Услышишь, коль замедлишь шаг,
Как рыба бьётся в камышах,
Как птица голос подаёт,
Как кто-то воду в вёдра льёт,
Как мать зовёт ребёнка спать —
И только взрывов не слышать...
А те, что жизнь нам сберегли,
В могилы братские легли.
Те ж, что живут, назло смертям,
О павших здесь расскажут нам!

ОБЕЛИСК

Их осталось так мало
С той победной весны...
Смотрят в лица устало
Им военные сны.
И на всех обелисках
Средь российских полей
Имена самых близких,
Самых верных друзей.
Не назвать поимённо —
Юных, зрелых, седых...
Постою преклонённо
У железной звезды,
Положу виновато
У подножья сирень —
Всем погибшим солдатам
За сегодняшний день!

ГАЛИНА ЕРЁМИНА
ЧЛЕН СПР, г. ШАХТЫ, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Галина Александровна Ерёмкина, поэт, публицист, член СПР с 2022 года. Живёт в г. Шахты Ростовской области, пенсионер. Окончила Ростовское училище культуры и Шахтинский государственный педагогический институт (филологический факультет). Работала в сфере образования. Выпустила пять авторских сборников стихов и двадцать сборников публицистики (об истории г. Шахты и его известных людях). Лауреат областных литературных конкурсов, посвящённых А. Калинину, М. Шолохову, 70-летию Победы, 80-летию Победы. Награждена Орденом-знаком на ленте «100 лет М. А. Шолохову», медалями «100 лет М. А. Шолохову», «100 лет А. В. Калинину», «150 лет А. П. Чехову»; награждена знаками «75 лет Ростовской области», «Отличник просвещения СССР», «За заслуги перед городом Шахты». Галина Ерёмкина – Отличник просвещения СССР, член Союза журналистов России, руководитель Шахтинского литобъединения имени Алексея Недогонова.

КЛЁН

Открыт ветрам со всех сторон,
Растёт у тихой речки клён.
Под этим клёном, говорят,
Спит вечным сном герой – солдат.

Он в сорок первом здесь упал,
Сражённый пулей наповал.
Упал, но выполнил приказ, —
И целый взвод от смерти спас.

Солдату было двадцать лет.
Нашли в кармане партбилет,
Но не смогли установить,
Кому билет принадлежит.

Он кровью юноши алел.
Салют прощальный прогремел,
И похоронен был герой
У тихой речки под горой.

И над могилою с тех пор
Клён ветви бережно простёр.
И по весне со всех сторон
Приходят люди на поклон.

НАГРАДЫ ОТЦА

Словно истинный клад я награды храню,
А когда нетерпимою станет разлука,
Из комода я трепетно их достаю,
Чтоб из сердца ушла беспощадная мука.

Неподдельной любовью сияет лицо,
И ещё... Я об этом сказать не умею:
Просто-напросто пахнет в квартире отцом,
Пахнет юностью, счастьем, всей жизнью моею.

Никогда не могла я молиться вещам,
Страсть подобная душу мою не томила...
Но за эти награды, не глядя, отдам,
Если вдруг займею, всё золото мира...

Отзвучал моего одиночества крик
И рождённые им небывалые муки.
И вместилась вся жизнь в удивительный миг:
В дом заходит отец, сбросив годы разлуки.

В МУЗЕЕ

В музей всё ходит женщина одна.
И сердцу материнскому знакома –
Свинцовая музея тишина –
Давно уж для неё роднее дома.

Она войдёт задумчиво-грустна
И медленно скорбящий взгляд направит
Туда, где молчаливая стена, –
Лицо там сына в рамочной оправе.

Улыбка озорная, как всегда,
Для матери роднее всех на свете,
А сын не постареет никогда –
Ему лишь девятнадцать на портрете!..

Всю жизнь стучаться будут сны в стекло.
Сны, как надежды, а по сути – драма,
Вдруг в доме станет шумно и светло,
Когда она услышит окрик: «Мама!»

И стала мать давным-давно седой,
И сына никогда она не встретит.
Но для неё он – вечно молодой,
Ему лишь девятнадцать на портрете.

МИХАИЛ КОСТРИКИН
член СПР, г. Ростов-на-Дону

Кострикин Михаил Александрович, ростовчанин, работник культуры, член СПР. Автор четырёх книг стихов, публикаций в альманахах и поэтических сборниках России и Украины. Занимается поэзией, прозой, художественными переводами и авторской песней. По его словам, предполагает поэзию как некую философию, основу творческой жизни. А в поэзии, главным образом, выделяет разумный эксперимент. Миссию поэта считает не каким-то достижением, а тяжёлым упорным трудом, а ещё – Поэзия для него – Путь...

РУССКИЙ ПАРЕНЁК

Били «буки», «тополя» и «грады»,
Выжигал округу солнцепёк.
Уходил сквозь цепь заградотряда
От «укропов» русский паренёк.

Киевскою сворой был он схвачен
И отправлен в банду ВСУ,
Но ушёл, ведь он не мог иначе,
Под Донецком в лесополосу.

На гражданке сеял в поле чистом
Для людей страны своей зерно.
И, что прадед воевал с фашистом,
Знал он точно, прочно и давно.

Только ныне правнуку героя
Говорят, что предок был не прав:
Не за тех, мол, он стоял горою,
«Нэзалеэжність нэнькину» поправ!

Но не верил парень словоблудам
И твердил себе и всем одно:
«Я служить бандеровцам не буду,
Я останусь русским всё равно!»

Били «буки», «тополя» и «грады»,
Выжигал округу солнцепёк.
Уходил сквозь цепь заградотряда
От «укропов» русский паренёк.

Я не знаю точно, где теперь он:
Жив иль пал, схватив кусок свинца...
Подвигу героя-предка верен,
Он остался русским до конца!

КТО НЕ ВИДЕЛ ВОЙНЫ

Кто не видел войны —
Тот не знает, что значит: жечь порох,
И не вздрагивает во сне
Уловив еле слышимый шорох.
Он не стонет от ран,
От осколков, что под гимнастёркой,
И, полвека спустя,
Насыщается хлебной коркой.
Кто не слышал картечь,
Не заходится, в памяти, плачем,
И немецкая речь
Не мерещится в лае собачьем.
А у них — ордена

И медали – за Одер и Вислу,
А в груди – имена,
Над которыми замерли числа,
От которых болит
Грудь всё время невыносимо...
И стоит монолит
В Трептов-парке неодолимый.
Кто не видел войны –
Никогда пусть её не узнает...
И среди тишины
Не раздастся пусть дробь озорная.
Взрывы бомб, стрекотня
Ярых «Шмайсеров» в прошлое влиты,
И пусть день ото дня
Не кружат над страной «Мессершмитты»!

НА СНОС ПАМЯТНИКА ВОИНУ—ОСВОБОДИТЕЛЮ В РИГЕ

Вмиг невыносимый, страшный сон,
Явью стал, настоящей былью:
В Риге памятник был снесён!..
Распластав над водою крылья,
Он как будто стремился взмыть
В небеса, в облака куда-то...
Но воскресшие вдруг «не мы»
С пьедестала снесли солдата.
Нашу память снесли о днях,
Сквозь пропитанных кровью павших.
И висит в вышине, звеня,
Колокольный набат вчерашний.
Смерть проклятая входит в жизнь,
Бесы в небе разверзли Бездну.
По Европе ползёт фашизм,
Чтобы миру в огне исчезнуть.

СОЛДАТУ СНИТСЯ

Солдату снится на войне
Луч солнца поутру в окне,
Река знакомая вдали
И уголок родной земли.

И отчий дом, и смех жены,
И мир, как прежде, без войны,
Душистый хлеб, ядрёный квас,
И всё, что радовало вас...

Солдату снится на войне
Не сотни деревень в огне,
И не руины городов,
Без прежних скверов и садов,

Не «двести» и не «триста» груз,
И не поруганная Русь,
Не смерть детей и стариков,
Не память глубины веков!

Он размышляет об одном:
«Уж лучше б явь была бы сном!
Проснуться б ночью мне в поту,
А всё вокруг – весь мир – в цвету.

И нет смертей, и нет атак...
Как жаль, что это всё не так!...»
Как жаль?.. – Нет, ярости волна
Охватывает дух сполна!

Солдатам снятся редко сны:
Вот, снова в бой идти должны,
Не зная, кто, свинцом скошён,
Вдруг окунётся в вечный сон...

Кто, защищая мир страны,
«Двухсотым» прилетит с войны...
Вчера опять приснилось мне,
Что мы с Россией на войне...

А правда ли, что это сон,
А точно ли – не в руку он?!

КЛАВДИЯ ПАВЛЕНКО
член СПР, г. Ростов-на-Дону

***Павленко Клавдия Ивановна**, член Союза писателей России с 2008 года, поэт. Живёт и работает в городе Ростове-на-Дону. Родом из ЛИТО ДОН под руководством Игоря Кудрявцева. Автор семи поэтических сборников и нескольких детских книг, одна из которых, «Синеглазый кот Кефир», переведена на болгарский язык поэтом Люлином Зановым. Перевела с болгарского детскую книгу загадок «Источник доброты» Витки Витановой. В седьмой сборник вошли пять венков сонетов автора. Увлекается переводами современной болгарской, белорусской, осетинской лирики. Считает каждое своё стихотворение кусочком жизненного пазла, который когда-нибудь сложится воедино.*

***

Молитву умножаю на строку...

Мы с бедой играли
в прятки,
смерть таскали за усы.
Мы хотели, без оглядки, –
зрелищ, хлеба, колбасы...
Веселились, как ромашки,

что гурьбою в резеде...
Все рождённые в рубашке –
знать забыли о беде.
Долго нам, скажи на милость,
сладко елось и спалось...
А беда лишь затаилась,
в двух шагах смиряя злость.
А она в обличе чёрном,
среди шакалов и ворон, –
обернулась кровью, стоном,
мглой сплошной
со всех сторон...

***

«Где б ни лилась родная наша кровь,
она повсюду льётся за Россию»
О. Берггольц, стихотворение «Победа»

Хоть говорят, пророча и судя,
что бумерангом станут
все потери,
я продолжаю, челюсти сведя,
надежду до молитвы возведя,
в страну мою и в будущее
верить.
Брожу, брожу, печалюсь и скорбя,
за всех молясь... да что ещё
могу я...
За всех молясь, как будто за себя,
живительной надежды пригубя, –
молитву умножаю
на строку я...

ДОНБАСС. УБИЙЦАМ РУССКИХ

Скажите, вам не страшно по ночам,
С собой наедине и Взглядом Божьим?
Бездушие не вылечить врачам,

Когда вцепилось хваткою бульдожьей!
Очнитесь, пьяны вы чужой бедой
И призрачной абсурдною свободой.
Вам не отмыться и святой водой
От крови неповинного народа.
Вы, духом обворованы до нитки,
Нечистоплотных радуя господ,
Бесстыдно изувечили народ,
Надеясь, что большие будут скидки.
Не вышло б только всё наоборот!
Не стоит ждать кредитов и щедрот –
На Небе недействительны кредитки.

ПИСЬМО С ВОЙНЫ

Здравствуй, мама!
Живой я, не плачь.
Только грязный, чумазый,
как грач.
И скучаю, как маленький
прямо...
Напиши, как сыграло
«Динамо».
Пусть меня моя Анечка
ждёт.
Ты скажи ей, разлука –
пройдёт.
А тебя я прошу, не волнуйся!
Посмотри, вон, Серёжка –
вернулся!..
Мы одержим победу,
не плачь!
Сдай в химчистку, пожалуйста,
плащ.
Потеплело, хоть город –
заснежен...
Я – вернусь...
Я совсем ещё не жил.

***

Льётся кровь вчерашних
пацанов,
чьих-то сыновей
или отцов.
Эхом раздаётся чей-то стон,
хриплый, будто карканье
ворон.
Вырастут бессмертника
цветы,
скорбные бесщётные
кресты.
Тропки оборвутся
и пути...
Наша жизнь – дождиночка
в горсти.
Наша – это значит, и моя.
Жалит, жалит сердце мне
змея.
Мне вонзает жало до кости:
наша жизнь – дождиночка
в горсти...

***

Гремел набат! И гул набатный
слезою крупновиноградной
катил по каменным щекам.
На тормоза авто давили,
и горькой болью души ныли,
и содрогались облака.
Из ночи в ночь сожжённой птицей
мне до сих пор Одесса снится
и в горле горечью першит.
Насилье, названное правом, –
бесстыже, подло и лукаво
людскими судьбами вершит.

***

Видит Бог,
мы драться не хотели.
Но не отсидеться в стороне.
Лицемеры с чуждой
параллели
не о мире грезят — о войне.
Что им православные набаты,
слёзы перепуганных детей;
что им чьи-то боли и утраты —
всё давно оправдывает
цель.
Им, безумным, трудно
догадаться,
что нам сны покоя не дают.
Видит Бог, не хочется нам
драться.
Только как не драться —
наших бьют!

***

Заброшен дом — уехали
соседи.
Они спасают сына
от войны.
Он так раним, так слаб
их сын, так бледен, —
что силы есть лишь
чалиться в айпэде...
Да и родители затем
нужны.
Всё бросили они, дитё
дороже...
Ну да, дитё — всего-то
тридцать лет.
И жизнь свою — как и его —
итожа,

творяют молитву горькую:
«О, Боже,
спаси Ты нас, укрой Ты нас
от бед...»
Им невдомёк – в побеге
мало толку,
когда все беды в доме
неспроста.
Любовь такая
к отпрыску-ребёнку
претить должна родительскому
долгу:
душа сыновняя слепа,
пуста...

***

Оберег-молитва от меня,
Чтоб прикрыть от пули и огня.
Выстоять должны мы этот бой.
Верь, солдат, победа – за тобой.
Наше дело правое, вперёд!
Правого – и пуля не берёт.
Если прав ты, то рука верней.
Прав – ты втрое ворога сильней.
Если тяжко, ты промок, продрог, –
Бог поможет, Он – не раз помог.
Прав ты. И об этом знает Бог.
С нами Он на каждой из дорог.
Мальчики, сыночки, мужики,
Живы будьте, смерти вопреки!
Ведь без вас весна нам – не весна.
Мира всем. Будь проклята война!

***

Небо-небо, я птица
с перебитым крылом!
Здесь ненастье ярится.
Гром, гроза, бурелом...
Здесь, за степью из ситца,
где село за селом,
непогодица злится,
потерялся мой дом...
За зарницей – зарница,
дрожь под каждым пером.
Стая молний искрится,
я лечу напролом...
Как с дороги не сбиться
в лихолетье сыром?..
Небо-небо, я птица
с перебитым крылом...

***

Тихо-тихо на земле.
Дремлют ивы.
В серебристом ковыле
прячут гривы.
Спят ромашки у моста
так беспечно...
Разметалась красота
бесконечно.
Будут вечно небеса,
синь без края.
Будут чьи-то голоса,
птичьи стаи.
Будет всех поить росой
бабье лето.
Будет бегать дождь босой...
Счастье это.

ТАМАРА ПРИВАЛОВА
член СПР, г. Таганрог, Ростовская обл.

Привалова Тамара Ивановна, член Союза писателей России с 2013 года, поэт, прозаик. Является лауреатом Всероссийского конкурса «Педагогические инновации 2002 года» за рассказ «Один день моего детства». В 2004 году получила звание лауреата вышеуказанного конкурса за поэму «Куликовская битва». Печаталась в газете «Таганрогская правда», «Донской писатель», в альманахах: «Берега», «Город у моря», «Донские волны», «Дон и Кубань», «Дон новый», «Донской литературный альманах», «Мозаика юга». Автор отдельных книг: «Один день моего детства», «От звёзд до синих васильков», «Бредущие из ада», «Помоги немощным, утоли скорбь нашу», «Сказание о роде Белых Лебедей», детских книг: «Средь других чудес на свете...», «Белкин огород», «Цыплята», «Блика», «Басик» (истории из жизни лесного поросёнка)».

БЫЛ ПРОРВАН ФРОНТ...

*Посвящается Казачьему Донскому корпусу,
остановившему немецкие танки*

Был прорван фронт. Зияла брешь, как рана.
И танки Клейста вышли на простор.
В казачьем корпусе Донского Стана
Решили жёсткий дать врагу отпор.
Донскую степь не мять немецким танкам!
Ценою жизни встать им на пути!
Пусть каждый станет легендарным Данко
И будет за собой других вести!
Готовы к бою. Выбритые лица.
Чисты рубахи. С блеском сапоги.
Должны и танки скоро появиться....
Четвероногий друг, не подведи!
Под седоками нервничают кони.
А поле битвы, братцы, не мало....
Настало время яростной погони...
— А ну-ка, други, шашки наголо!
За толстою бронёй оторопели.
Фашистам это было не понять.
Смешные люди, как они посмели
Стальной махине противостоять!
Над степью птицею взметнулось знамя!
И ветер гривы коням причесал!
Из жерла пушек полыхнуло пламя,
И кто-то первым на землю упал...
Гнедые вовсе танков не боялись,
Бок о бок мчались с ними в том бою.
И седоки с коней перебирались
На пыльную горячую броню.
Они стреляли в смотровые щели
И плащ-палаткой закрывали их.
А танки, братцы, верьте мне, горели
И натыкались с ходу на своих!
Их задержали, выполнив задачу.
Казачий корпус смял стальной заслон!
Ведь, казаки, быть не могло иначе:
У ваших ног плескался тихий Дон!

АНЖЕЛИКА САЛТАНОВА
член СПР, г. Ростов-на-Дону

Салтанова Анжелика Дмитриевна, член Союза писателей России с 2020 г. Родилась 23 февраля 1993 г. в с. Покровское Ростовской области. Проживает в г. Ростове-на-Дону. Писатель, переводчик. Лауреат национальной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, Областного литературно-творческого конкурса «365 дней с книгой» Донского Культурного Марафона, международного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы», областных литературных Семинаров-Конкурсов «Степные всполохи» при СПР и др. Автор сборника стихотворений «Небесные киты».

ДЕНЬ В 41-М

На окне поутру заалела щеками герань.
Во дворе толстый кот подставляет июньскому солнцу
золотые бока. У околицы слышится брань,
и соседка спешит за водой к голубому колодцу.

Утопая в ромашках босыми ногами – бежим,
растворяясь в лугах, перелесках, смеясь и кривляясь.
Мы не знаем о том, что окутает улицы дым
через несколько дней. Мы тогда... Мы ещё... Не боялись.

Светлячки освещали наш путь до прозрачных озёр,
где большая луна отражалась в задумчивой глади.
Через несколько дней хуторок превратится в костёр,
а пока «казаки и разбойники» здесь на закате.

Нам в четыре утра диктор скажет, что время – взрослеть.
Но о том, что останутся в прошлом озёра и хутор,
что земля и герань обретут одинаковый цвет
мы узнаем не сразу. И время застынет как будто...

ЗЕРНО

Я поставила свечи: за здравие, упокой,
помолилась за тех, чья душа день и ночь болит...
Отче, если услышишь надтреснутый голос мой,
спрячь Россию от бед под священный надёжный щит.

Пусть она заживёт, пусть утихнет её печаль,
а Твои сыновья возвратятся домой к родным.
Знаю, в сердце у каждого – личный святой скрижаль,
все заветы Твои мы с надеждой и верой чтим.

Ты избави нас, Отче, от всякой беды и зла,
от греховных идей, от проклятий, лукавых слов.
Если в чьей-то душе поселилась глухая тьма,
оборви у корней, не позволяй ей пустить ростков.

Милосердный Отец, нашу землю благослови,
пусть теплом наполняет её животворный свет.
В хрупких душах людских ты посеи по зерну любви,
где оно прорастёт – там ни горя, ни смерти нет.

***

Моему другу, Михаилу Ж.

Отче наш, помоги не сойти с ума,
проводя двухсотых взглядом. Вчера сидели,
говорили о том, как меняет людей война,
а сегодня легли на выходе под обстрелом.
Я за них опрокину стакан до дна.

Горький дым оседает на языке,
на НП вместо нас заступает другая смена.
Миномётная очередь слышится вдалеке,
под ногами зияет огненная геенна.
Горсть земли остаётся в моей руке.

Отче наш, сохрани в храбрых душах свет,
не позволь осквернить ни Землю мою, ни Слово.
Непосильная ноша не сломит стальной хребет,
если вера внутри пылает огнём суровым.
Я бесстрашно судьбе улыбнусь вослед –
и она обернётся молча с лицом Христовым.

ЛЮДМИЛА СУХАНОВА
ЧЛЕН СПР, г. ТАГАНРОГ, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Суханова Людмила Алексеевна, член Союза писателей России с 2016 года, поэт. Живёт в городе Таганроге Ростовской области. Автор многих публикаций в периодической печати, в т.ч. на страницах газеты «Таганрогская правда», «Донской писатель», в литературно-художественных альманахах «Дон новый», «Берега», «Вехи Таганрога», «Дон и Кубань», «Донские рассветы» и др., а также в коллективных сборниках «Я пробую перо», «Рождалось слово», «Золотое перо Дона» и др. Стала лауреатом областного литературного конкурса в честь 95-летия со дня рождения А. В. Калинина, награждена дипломом за творческие успехи в конкурсе «Поэт большого мужества», посвящённом 95-летию А. И. Недогонова. Вышли в свет отдельные поэтические книги автора: «Осень пахнет кострами» (2014), «Надежда играет на скрипке» (2016), «Сквозь метелицу лет» (2023). Является руководителем Таганрогского литературного объединения «Чайка».

ОПЕРАЦИЯ «ПОТОК»

Остановись! Замри, прохожий!
В какое время ты живёшь?
Ты – только ты – поэму сложишь
И гимн героям пропоёшь!
Быть может, пафосно начало?
И назиданья ни к чему?

Но... как ползли они ночами
В трубе? Лишь Богу одному
Известно... Воинам спецназа
Приказ получен был такой:
«Убрать фашистскую заразу,
Застать врасплох, вступая в бой!
И операция свершилась,
(Какой ценой? Опять лишь Бог
Всё знает!) Сила появилась,
В тылу врага... и грянул бой!
Оставив Суджу, злобным роем
Фашисты разлетелись вмиг...
...С Победой, воины-герои!
Пусть поскорей наступит мир!
Жить в наше время очень сложно,
Когда смешалась правда, ложь... Но:
Быть равнодушным невозможно,
Когда с героями живёшь.

ДЕРЖИСЬ!

Увидишь, вздрогнешь и во сне,
Летит смертельный град...
Ползёт по выжженной стерне
Девчонка – медсестра.
За кочкой – раненый солдат,
Он стонет, хочет жить...
А пули бешено свистят...
«Держись, родной, держись! –
Кричит девчонка. – Я ползу,
Я рядышком с тобой».
Но не смогла сдержать слезу,
Увидев, что живой
Лежит мальчишка. Но... без ног –
Кровавое пятно...
«Убей меня, – промолвить смог, –
Не жить мне всё равно...»
«Да что ты, милый, мы с тобой
Поверь, ещё споём...
Вот только стихнет этот бой,
Вот только доползём...»

ЕЛЕНА ЧИЧЕВА
член СПР, г. Ростов-на-Дону

Чичева Елена Александровна, член СП России с 2021 года. Живёт в Ростове-на-Дону. По профессии врач. Является членом литературного объединения «Дон» (под руководством И. Н. Кудрявцева) с 2013 года. Первые публикации в литературном сборнике «И лёгкий росчерк вдохновенья» (2010). Подборка стихов опубликована в литературно-художественном журнале «Пролог» (2014), «Судьба и Слово» (2016, 2020), в Донских Литературных Альманахах (2016–2018), в газете «Донской писатель», в юбилейном выпуске журнала «Дон» «Лазоревая степь» в честь 95-летия Ростовской областной писательской организации. В 2019 г. вышла книга её стихов «Зеркало». Книга стихов «Освещая земные миры» – в 2020 г.

НАЗАД ДОРОГИ НЕТ

Мир раскололся пополам,
Назад уже дороги нет.
Воздастся людям по делам,
И каждый должен дать ответ
Пред Богом или пред собой.
Увидеть ясно всё, как есть,
Со злом вступить в жестокий бой
За правду, русский мир и честь.
Идёт тяжёлый переход,
С нацистской нечистью – война.
Сплотился в битве наш народ,
Ведь Родина на всех – одна.
Судьбою свыше нам дано:
В сражение с тьмою – побеждать,
И жизни сохранять зерно,
И верить, и любить, и ждать.

НА ВОЙНЕ

Здесь всё совсем не так, как на «гражданке»,
Острее чувства, ярче в сотни раз...
В жару и стужу, в БМП и в танке –
Всё ощущаешь, не смыкая глаз.

Приказ получен, и готовься к бою,
Секунды все у нас наперечёт,
Работа сделана, и мы с тобою
Уходим, чтобы не достал «прилёт».

Всё просто: жизнь и смерть здесь слишком близко...
Мы брат за брата, как одна семья.
Вот снова «птичка» висит низко,
И бьём по ней, чтоб жили ты и я.

А выдастся момент – читаем письма,
Написанные детскою рукой,
А в них наказ: победа над фашизмом
И с миром возвращение домой!

*Кандидаты в члены
Союза писателей России*

АЛЕКСЕЙ ЗАРАТУЕВ
кандидат в члены РРО СПР
г. Шахты, Ростовская обл.

Алексей Стефанович Зартуев, кандидат в члены СПР с 2023 года. Родился 24 марта 1952 года в х. Сидоровка Октябрьского сельского района Ростовской обл. в семье шахтёра. Живёт в г. Шахты Ростовской обл., пенсионер. Является ликвидатором аварии на Чернобыльской АЭС. Литературным творчеством занимается с 2004 г., пишет стихи и рассказы. Член Вседонского литературного сообщества и Шахтинского ЛТО имени Алексея Недогонова. Его рассказы и стихи печатались в коллективных сборниках и периодической печати. Издал книги: «Рассказы очевидцев. Стихи» (2009), «Юмористические стихи и рассказы» (2012), «С честью пройденный путь от рядового до генерала» (о генерал-лейтенанте милиции М. Г. Фетисове (2015), «Рассказы, Подлинные истории» (2016), «Рассказы о войне» (2018), «Мы выполнили свой воинский долг» (2020), «Художник, пишущий огнём» (2022). Награждён «Звездой ордена Покрова Пресвятой Богородицы» и медалями: «За доблестный многолетний труд», «130 лет И. В. Сталину», «Ветеран труда», «России верные сыны» (от Международного Союза славянских журналистов), «10 лет Союзу писателей Дона», «За спасение погибавших» (г. Москва), «В память Чернобыльской трагедии 26.04.1986 года», «Патриот города Шахты», «За честь и достоинство», «90 лет Вооружённым силам СССР», «Чернобыльское братство», «Аварии на ЧАЭС – 20 лет», «Аварии на ЧАЭС – 25 лет», «Аварии на ЧАЭС – 30 лет», а также наградными знаками: «Участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС», «Почётный знак Гражданской обороны СССР».

ГАРМОНЬ

Очерк

На нашей улице Краснопартизанской, в посёлке Сидоровка, что на окраине города Шахты, жил дедушка, старый шахтёр Алексей Волков. Жена у него рано умерла. Детей пришлось ему одному ставить на ноги. Когда началась Великая Отечественная война, старший сын, тоже названный Алексеем, сразу после окончания школы пошёл на фронт. Он был дважды ранен, а его четыре сестрёнки во время оккупации Ростовской области фашистами, были вывезены на подневольную работу в Германию.

Алексей-младший с раннего детства, как и его отец, любил играть на гармошке. Однажды в детстве один его друг назвал его по прозвищу:

— «Волк», ты пойдёшь с нами на речку купаться? — отец услышал это и поправил друга сына. — Мой сын не дорос ещё до волка, «Волк» — это я! А мой сын Алексей — «Волчонок».

После войны Алексей вернулся к себе домой, а потом уехал жить в город Азов. Его отец сильно переживал разлуку с сыном. Четыре дочери вернулись из плена домой, детей у старших дочерей Веры, Шуры и Нины не было, а вот младшенькая, Лидия, вышла замуж, родила сына и назвала его в честь своих любимых отца и брата тоже Алексеем. В последнее время я часто вспоминаю Алексея-младшего — «Волчонка». Он всегда один (со своей гармошкой) приезжал в гости из города Азова проведать своего старенького больного отца и сестрёнок.

Когда Алексей подходил к Сидоровскому кургану и начинал нажимать на клавиши гармони, играть и петь «По Дону гуляет казак молодой», все, кто слышал пение, бросали свои домашние дела и выходили из своих дворов. Старые казаки снимали фуражки, крестились и благодарили Бога за то, что он бережёт нашего гармониста. Матери его одноклассников, сыновья которых не вернулись с войны домой, выносили на подносе чарки с сидоровской водкой и просили «Волчонка» помянуть их сыночков, а ещё просили исполнить любимую сыновью песню. И тогда Алексей начинал играть так, что его гармонь громко голосила и плакала по погибшим односельчанам, а вместе с ней плакали все присутствующие.

После этого земляки просили его сыграть что-нибудь повеселей. И Алексей играл, веселил земляков своими частушками. Мы с пацанами провожали его до самого двора его родного отца. Нам с ребятами часто приходилось быть свидетелями, когда дедушка Алёша со слезами на глазах, услышав гармонь любимого сына, говорил:

— Ну вот и вернулся мой «Волчонок» в родное гнёздышко! Как я за ним соскучился!

Мы ещё не понимали тогда, что дедушка Алёша скоро уйдёт от нас в другой мир навсегда. А его сын тосковал по родным местам. Когда он подходил к родительскому дому и начинал петь «Враги сожгли родную хату», дедушка Алёша вставал со своей лавочки возле двора с костылём в руках, и они медленно шли навстречу друг другу, обнимались и долго молча стояли посреди нашей улицы: отец отдавал своё душевное тепло любимому сыну.

У Алексея Алексеевича своих детей не было, и дедушка Алёша так и не понянчил внуков от старшего сына. Уже потом мы узнали, что Алексей воевал на фронте вместе со своей будущей женой, она была родом из города Азова. Однажды, когда Алексея ранили, эта девушка вынесла его с поля боя и таким образом спасла ему жизнь.

У Алексея было несколько ран, в том числе покалечена кисть правой руки. Врачи хотели её удалить, но девушка уговорила своих коллег этого не делать, объяснив им, что Алексей Волков — гармонист и её жених, и что парень обещал ей после войны сыграть на гармонии на её с ним свадьбе! Хирурги пожалели влюблённую пару и сделали всё, чтобы сохранить ему кисть. А когда саму девушку тоже ранили, а потом и комиссовали, отправив домой, Алексей не позабыл о ней. Он выполнил своё обещание, после Победы они поженились, и он переехал жить в Азов, чтобы быть рядом с любимой.

Однажды он приехал в родные места. В этот день все соседи приходили с гостинцами к Алексею Алексеевичу, чтобы поздороваться с ним за руку и угостить земляка-фронтовика. Старые шахтёры спрашивали:

— Ну, когда же ты, сынок, вернёшься к нам насовсем? — Алексей отшучивался. — Не знаю, возможно, вернусь, когда моя азовская казачка выгонит меня из своего дома. А пока азовские казаки и казачки меня любят и уважают!

Некоторые гармонисты — шахтёры-фронтовики — просили Алексея Алексеевича, чтобы он на их похоронах обязательно сыграл любимую песню из кинофильма «Большая жизнь» — «Спят курганы тёмные, солнцем опалённые!» И Алексей Алексеевич всем им обещал выполнить их просьбу. Потом с нежностью обнимал отцов и матерей своих погибших друзей, отдавая им своё сыновье тепло.

Он успокаивал родственников своих друзей и говорил добрые слова поддержки и надежды, что если их сын и пропал без вести, то, возможно, он ещё жив и скоро вернётся к себе домой. Старики жаловались ему:

— Да я уже, Алексей Алексеевич, не доживу и не обниму родного сыночка!

Обычно, навестив родных, в день отъезда, рано утром Алексей Алексеевич вставал, пил крепкий чай на дорожку. На прощание обнимал своего больного отца, потом сестёр и маленького племянника Алёшку, целовал их, брал под мышку свою гармонь и тихо уходил по родной улице на запад, до парамоновского терриконика, а оттуда на автобусе добирался в город Шахты, и дальше, через Ростов-на-Дону — до Азова.

Когда дедушка Алёша умер, то его взрослые дочери громко оплакивали его, и все пожилые жители посёлка завидовали дедушке. Старые казачки, сидя на завалинке, рассуждали:

— Ну, надо же, как ревет на всю Сидоровку младшая дочка, так оплакивает потерю своего отца! И кто же это научил её так причитать?

Другая соседка высказала вслух свои соображения:

— Видно, бабоньки, она фильмов насмотрелась. А вот мне показалось, что это средняя дочь так горюет, хотя я помню, как отец в детстве, бывало, её обижал. А ведь Шура сама выучилась и так и не поменяла отцовскую фамилию, работает на Парамоновском руднике в бухгалтерии. Приходили к ней свататься мужики-красавцы со всей округи, даже из Новочеркасска приезжал какой-то офицер, казак, но всем им она отказала, видно, в пленухватила горюшка! А Нина, их сестра, красавица была, после войны молодой умерла в 1952 году.

Третья соседка, Маруська, тоже запереживала, хотя с раннего утра уже покойника помянула. А теперь её волновал только один вопрос, а кто же её будет утром опохмелять? Дедушка Алёша был

душа-человек, и ни разу не отказал ей в поддержке, и всегда угощал. За такого человека не грех было и глубокой ночью за упокой души стаканчик пропустить. Маруся с какой-то обидой спросила:

— А вы, бабы, хоть помните, какая я по молодости красивая девка была? Многим казакам, да и немцам, нравилась, а как они за мной ухаживали! А сейчас проснусь ночью, гляжу в зеркало и не могу понять, думаю, что за ведьму я приютила в своей хате?

Все соседские бабушки Маруську с детства любили, ведь она всегда помогала им по хозяйству. Но бывало, что и ругали!

— Ну, что ты плетёшь, Маруся, ты уже забыла сколько раз нас выручала при немецкой оккупации, да разве не ты всех нас предупредила, что будет облага, и мы прятали своих детей и внуков в старых шахтёнках, под землёй? А вот дедушка Алёша не успел спрятать своих девчонок, и он на тебя зла никогда не держал.

Бабушка Лёля Остапенко, родом из Семикаракорска, сказала:

— Тебе надо, Маруся, бросить выпивать. — Маруське это замечание не понравилось, и, уходя, она пожаловалась на свою судьбу:

— А вы уже забыли, как из моего отца «врага народа» сделали, а потом его расстреляли. А за что? Этот вопрос по сей день не даёт мне покоя. Потом мой муж в 42-м на передовой погиб, а прислали мне не похоронку, а извещение, что ваш муж пропал без вести, и я одна сына растила!

У Маруси выступили слёзы на лице, и она отвернулась от женщин, махнула рукой и сказала:

— Пойду к гробу своего почившего крёстного отца Алёши, пока его не похоронили, пожалуюсь, уж кто-кто, а он меня напоследок выслушает, всегда понимал с полуслова и моей семье помогал. Ведь я хотела и сына своего назвать в его честь Алексеем, но мой муж, царство ему небесное, упрямый казак был, и нашего сына назвал Николаем. А меня в детстве, сироту, некому было кроме крёстного ни воспитывать, ни поругать, ни пожалеть. Работала день и ночь на кулаков, как проклятая, за чашку помоев в день, чтобы не помереть от голода, а крёстный отец меня любил, от своего стола никогда не прогонял.

Кум, стоя рядом с гробом дедушки Алёши, с какой-то обидой и завистью пожаловался своему покойному другу:

— А вот моя покойная Фёкла понарожала одних пацанов, и я чувствую, кум, когда я буду на твоём месте, то с них слезинки не

выдавишь, а не то, чтобы причитать и на всю Сидоровку кричать.

Бабушка Дуня Карпова вспомнила, что дедушка Алексей был однолюб. Всю свою жизнь любил только свою жену Алёнушку. Многим местным вдовушкам, да и молодым казачкам, он нравился, особенно когда играл и пел на свадьбах. Алексей был настоящим сидоровским казачком и ни разу он свою Алёнушку не обидел и не предал, да и руку никогда не поднимал на неё. По крайней мере, в Сидоровке никто не слышал плохого слова в его адрес. И детей он воспитал достойных, дочери его красивые и работящие, а сын Алексей Алексеевич — фронтовик. На день Победы, когда приезжает в гости к отцу и сёстрам, идёт весь в боевых орденах и медалях!

Сын, Алексей Алексеевич — «Волчонок», умер в один год со своим отцом от боевых ран, только отец был похоронен у нас в Сидоровке, а сын — в городе Азове.

Так оборвались жизни замечательных людей, моих соседей. Внук, Алексей Викторович Линников, не играл на дедушкиной гармошке. После службы в армии, когда он вернулся домой, на его долю выпало хоронить престарелых родичей: своих родных тётушек, отца и мать, а потом и сам он умер молодым во время перестройки. Он был шахтёром, как его дедушка. Но внук Алексей успел подарить своей жене дочечку Алёнушку, названную в честь своей бабушки, которую он не видел никогда, кроме как на фото, когда убирал её могилку. Быть может, когда у Алёнушки родятся свои дети, кто-то из них освоит игру на старой гармошке, и тогда она опять запоёт, радуя и тревожа своими звуками сердца простых людей...

ЛОЛИТА ГУРЕЦКАЯ
кандидат в члены СПР
г. Таганрог, Ростовская обл.

Гурецкая Лолита Юрьевна, кандидат в члены СПР с 2024 года, поэт. Живёт и работает в г. Таганроге. Печаталась в альманахах «Берега», «Степь на ладонях», «Вехи Таганрога». Слушатель семинаров от СПР в г. Ростове-на-Дону с 2022 г.

СПАСИБО, ВЕТЕРАНЫ!

Спасибо, дорогие ветераны,
За то, что мир сумели защитить.
Залечены давно бывшие раны,
Душевные – ничем не залечить.

Пусть доля вам нелёгкая досталась,
Вы голод пережили и войну,
Но в жизни, всё ж, досталась счастья малость:
Победой вы прославили страну.

И пусть судьба прострелена войною,
Но русский дух помог вам победить.
Оплачена высокою ценою,
Солдатской кровью, нам возможность – жить.

Мы с честью принимаем эстафету
Борьбы за мир – мы не хотим войны.
Спасибо, ветераны, за Победу,
Вы – доблесть и достоинство страны!

ЖАРКИЙ АВГУСТ

Жаркий август пришёл – завершение янтарного лета,
Порыжела трава и огонь для неё – первый враг.
В сарафаны, панамы и шорты южане одеты,
Квас холодный и тень от жары не спасают никак.

А в степях на Донбассе – жара, и не только от солнца:
От разрывов снарядов за дымом не видно небес,
И зияют воронки, в домах стёкол нет на оконцах,
А «прививки от страха» убили к спасенью рефлекс.

На бойцах СВО – многослойные бронезащиты
И тугие шнуровки на кожаных берцах «гортекс»,
Аккуратно шевроны, а также нашивки, пришиты,
Лето жарче вдвойне, но Победа нужна, позарез!

Поклониться хочу тем, кто в знойное адское пекло,
Не жалея себя, бьёт врага беспощадно в жару,
И чья форма от пота, дождей и от ветра поблекла,
Чтобы мирное солнце однажды взошло поутру!

ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

Город Воинской Славы,
Мой родной Таганрог,
Вой сирен и облавы –
Всё ты вынести смог.

Над Петрушиной Балкой
В небе стон утонул...
Груды тел, как на свалке, –
Геноцида разгул.

По Самбекским Высотам
Кровь на травы лилась,
Воевала пехота,
На огонь не скупясь.

Где кровавые росы
Обагрили закат –
В карауле берёзы
Вдоль аллеи стоят.

Тихо шепчет молитвы
Плёт прибрежный у ног
За солдат, что погибли,
Защитив Таганрог.

В мирном небе закаты
Отражает вода...
Жизнь отдали солдаты,
Чтоб жил город всегда!

МИХАИЛ КИСЛИЦА
кандидат в члены СПР
г. Таганрог, Ростовская обл.

Кислиця Михаил Игнатович, родился 26 августа 2006 года в г. Ростове-на-Дону. С 2024 года обучается в Ростовском Государственном Медицинском Университете. С 2023 года посещает семинары Ростовского регионального отделения Союза писателей России. Является членом молодёжного отделения секции «Поэзия». Дата первой публикации – 2023 год. Его произведения печатались в серии литературных альманахов «Берега» (2023, 2024), литературной газете «Донской писатель» (2024). С 2024 является кандидатом в члены Союза писателей России. В данный момент работает над рукописью книги.

БЕЛЕЕТ СИРЕНЬ

Белеет сирень за окном одинокая
В безмолвии трепетном сельских огней.
Мне снилось недавно «разнивье» широкое
И прадед, пришедший с войны, у дверей.

Поблѣкшая степь в ожиданье наводчика,
И ветер изрезал дорожную ширь.
В пыли оголтелый запов пулемѣтчика
Над полем свинцовую прыть заглушил.

И в сумрак вечерний степи умолкающей,
На сонные хаты невольно косясь,
Мне снилось: по полю мы тянем с товарищем
В соседний блиндаж телефонную связь.

Рассвет наступил, и рвалось сновидение,
И прадед в упор поглядел – не пойму.
Пусть я от тебя на большом удалении,
Но ближе, чем мы, не бывать никому.

ВЕРОНИКА КРАВЧЕНКО
кандидат в члены СПР
г. Ростов-на-Дону

Кравченко Вероника Викторовна, родилась в г. Аксае Ростовской области. Начала писать в школьные годы. В 1988–1991 годы была юнкором газеты «Победа». Печата- лась в газетах и журналах «Красноярский рабочий», «Сибир- ский хлебороб», «Огни Енисея», «Вдохновение», «Судьба и слово». Кандидат в члены Союза писателей России с 2023 г.

ВЗГЛЯД СОЛДАТКИ

Безмолвно, утомлённо сквозь невзгоды
Служивая свой уронила взгляд.
На девичьих плечах её – погоны,
Две лычки, словно лучики, горят.

Её пустым не тронешь разговором,
Она любовью к Родине полна.
А люди смотрят на неё с укором,
За то, что служит в армии она.

Но, несмотря на взгляды эти злые,
Не зла она совсем на белый свет.
И красит часто волосы седые,
Хоть отроду всего ей двадцать лет.

Искусство – скрыть от всех свою тревогу,
Судьбу-злодейку в этом не вина...
Не всем дано понять её дорогу
Со страшным, грозным именем – Чечня.

Речам здесь утешительным не место,
Где горькой правды скорбные слова...
Как в первую войну – она невеста,
А во второй, увы, уже вдова.

ЕВГЕНИЙ ПЛАКСИН
*слушатель литературного семинара
г. Ростов-на-Дону*

Плаксин Евгений Алексеевич, родился 17.07.1993 в г. Астрахани. Победитель областного конкурса «Астраханские чтения» 2014 года, лауреат премий Шаховского и Тредиаковского (г. Астрахань, 2014–2015), участник Всероссийского Некрасовского семинара от Союза писателей России в 2014 г. В Ростове-на-Дону проживает с 2022 года, участник творческой организации «Литературная гостиная Дмитрия Кравченко».

СМС С ЛБС*

Привет, дорогая, так много всего,
Не знаю, с чего и начать...
Ты помнишь соседа Ваньку моего?
Вчера его встретил опять –
Три дня пролежал под наркозом юнец,
Но всё же лишился ноги –
Осколков безжалостных грубый свинец
Его разорвал сапоги.
И я без сапог, а другие – кто в чём,
Ну, хоть не в чём мать родила!
Привет, кстати, ей передай и ещё
Скажи, что в порядке дела,

Что в командировке на севере я –
Здесь связь пропадает порой.
Потом как-нибудь позвоню ей на днях,
Чтоб не залилась сединой...
Как ты там сама поживаешь? Без слёз,
Надеюсь, обходишься ты?
Я как-то заметил, что начал всерьёз
Бояться любой темноты –
Закрою глаза, вижу общий портрет
Всех тех, кого знал из ребят –
Не всем повезло даже встретить рассвет,
Не то что вернуться назад.
Серёга теперь на всю жизнь с костылём,
А Саня – убит с февраля.
Сюда не приходят за длинным рублём –
Здесь длинного нету рубля –
Здесь с кровью застывшей могильная грязь
И прочая мерзость души.

Не знаю, когда снова выйду на связь,
Но ты всё равно мне пиши.

*ЛБС – линия боевого соприкосновения

***

Я не был сбит над Волгой в сорок третьем
И в танке под Смоленском не горел.
Меня не расстреляли на рассвете
И даже не водили на расстрел.
И смерть меня нигде не сторожила,
И с фронта не ждала седая мать.

Я помню всё, что не со мною было,
И не имею права забывать.

*Члены литературных объединений
Ростовской области*

ЛЮДМИЛА ВОЛКОВА
РУКОВОДИТЕЛЬ ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ
СТУДИИ «СТУПЕНИ»
г. НОВОЧЕРКАССК, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Волкова Людмила Эдуардовна, родилась в г. Грозном. Окончила Краснодарский институт культуры. По специальности библиотечарь-библиограф. С 1986 года живёт в Новочеркасске – столице донского казачества. Работает в Центральной библиотеке имени А. С. Пушкина. Руководитель городской литературно-творческой студии «Ступени». Автор книг стихотворений «Я с весной на «Ты»» (2014), «Каштановые галактики» (2015), «Зимняя птица» (2020), «Белый город» (2024). Публиковалась в местной печати, городском литературно-художественном журнале «Пролог, в литературном альманахе «Судьба и Слово», в конкурсном литературном сборнике к 70-летию Победы «О войне, на которой мы не были», в литературном альманахе «Донская сотня», в сборниках ЛТС «Ступени».

ВОЛОНТЁР

Очерк

Он не кичится, не афиширует и громко не кричит о своей волонтерской работе. Он делает своё дело. С февраля 2022 года.

Сколько раз он был и на первой линии, и на ЛБС, за ленточкой, уже и не счесть. Сколько грузов собрал и доставил и бойцам в распоряги, и раненым в госпиталя, реабилитационные центры, и мирным новых территорий!

Волонтерская работа требует очень серьезного подхода. После переговоров с руководством подразделений, когда известны уже конкретные запросы, после сборов гуманитарки, когда всё очень серьезно выверено, расчётливо разрабатывается маршрут доставки «из рук в руки». И не всегда дорога бывает безопасной, часто это полное бездорожье.

Часто телефон за день разряжается по три раза.

Ему много пишут с фронта сообщений о том, что необходимо бойцам. И он, беря это на вооружение, ищет спонсоров, просит, закупает и доставляет нашим защитникам.

Нет, ему не нужны лавры героя. Его кредо – Делать Добро. По мере сил и возможностей. От сердца. По-честному. И он его делает.

Станислав Александровский... Это имя хорошо знают на фронтах разных направлений, в госпиталях, в разбитых мирных городах и посёлках Донбасса, где продолжают жить люди. И они знают: Стас с товарищами приедет в нужное время, привезёт нужные вещи. Они верят ему. В пунктах пропуска у Стаса часто «зелёный коридор», а его позывной «Маэстро» звучит как надёжный пароль.

Стас – руководитель концертно-волонтерской группы «Мы Вместе». Почему «концертно»? Потому что в группе есть поэты и авторы-исполнители из городской литературно-творческой студии «Ступени». Автор-исполнитель Артём Городничий, поэт Лилия Головченко, кандидат в члены Союза писателей России Эльмира Сизякина, исполнитель Сергей Миткалев, поэт Людмила Волкова, член Союза писателей России Елена Вольская, поэт Анастасия Юрченко, поэт Елена Мезина и другие участники студии. В программах концертов звучат стихи и песни, которые поднимают боевой дух наших защитников. Бойцы ждут эти выступления.

Песни самого Станислава полны серьезного понятного смысла, его голос звучит как голос правды. Популярными среди бойцов стали песни «В прифронтовых госпиталях», «Волонтерская», «Мужики», «Ждите русских» и другие. Их понимают бойцы, им

верят, потому что песни и стихи не придуманы на диване, они родились из самой жизни, из рассказанных лично Станиславу военных историй. Эти песни живые. Стас говорит, чтобы написать что-то стоящее, нужно побывать там, нужно увидеть, что такое война. Именно поэтому он каждый раз везёт с собой поэтов и музыкантов, чтобы они честно в своём творчестве запечатлели это нелёгкое время. Станислав и все волонтеры бережно хранят снятый материал, понимая, что это исторические факты. Нередко из поездок группа привозит военные трофеи, которые показывают на благотворительных концертах как живое свидетельство ужасов войны.

Наши горожане часто задают вопросы, в какие места фронта ездят волонтеры, как происходит передача груза. Прочитайте небольшой отчет о маршруте доставки гуманитарной помощи руководителя группы Станислава Александровского. Вчитайтесь в эти строчки, которые станут историей важной волонтерской работы на СВО. Очень сложная была поездка. Но все поставленные перед группой задачи были выполнены.

07.01.2025

06:30 – группа выдвинулась через КПП Новошахтинск в ЛНР Первомайский район посёлок Золотое-4 или Родина к мирным жителям.

11:20 – встреча с замглавы администрации г. Первомайска по жизнеобеспечению шахтёрских посёлков Романом Варламовым. Он показал окрестности и озвучил проблемы и нужды на текущий момент. Передали по запросу корма и лекарства для животных.

13:30 – выдвинулись в реабилитационный центр для бойцов 7-й Чистяковской бригады в н.п. Брянка.

14:20 – отгрузили одеяла, подушки, матрасы, простыни, обогреватели, электроды, медикаменты общего назначения, сумки и рюкзаки для выписки. Отыграли небольшой концерт для раненых.

15:45 – выдвинулись в Светлодарск ДНР, где нас ждали мотострелки.

17:45 – отгрузили масксети, газовые баллоны, спальные мешки, а также запасные батареи для «Мавик 3 про» и зарядку на 3 батареи. Остались ночевать в Светлодарске в ПВД.

08.01.2025

07:30 – выдвинулись в сопровождении военных в сторону Бахмута, на 3 линию обороны. Не доехали километр. На блокпосту были возвращены обратно военной полицией для нашей безопасности.

8:30 – выдвинулись в Донецк ДНР, где нас ждали танкисты. Проезжали через Дебальцево, Енакиево, «дорогу жизни» в Ясиноватском районе.

12:15 – в Петровском районе Донецка встретились с бойцом, проводившим нас в ПВД танкистов. Отгрузили им «Мавик 3 про» с батареей, спальные мешки, влажные салфетки и полотенца, масксети, инверторный генератор и адресную посылку бойцу от родственника. Побывали на замаскированных стоянках танков.

14:30 – выдвинулись в сторону посёлка N... ДНР, за которым в лесополосе нас ждал взвод операторов БПЛА Кировского мобилизованного полка. По пути в населённом пункте Харцызск были свидетелями прилёта вражеских «Hitars» по заводу.

17:05 – на точке. Отсутствует связь из-за ракетной опасности. Дорога размыта дождями.

18:05 – в лесополосе нас встретили бойцы. Отгрузили «Мавик 3 про», устройство для сброса, зарядку на 3 батареи и 3 запасные батареи, мощный пауэрбанк, масксети, инверторный генератор.

19:50 – выдвинулись в сторону Новочеркаска.

24:00 – дома. Всем спасибо за активную жизненную позицию! С уважением, Маэстро.

Станислав Александровский видит свою миссию в бескорыстной помощи фронту. Как он сам говорит – «до самой Победы». Так и будет. Потому что в сложные времена фронт и тыл Вместе.

КОГДА-НИБУДЬ ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА

Когда-нибудь закончится война –
Есть у всего конец и есть начало,
И светлая лазурная волна
Пригонит солнце к тихому причалу,

Прохладой ливень землю освежит,
Взрывая пузыри в зеркальных лужах.
Мы встретимся с тобой и будем жить...
...Пока ж я здесь и до зарезу нужен.

И камуфляж на мне ещё пока,
И с брони́ком* в обнимку мы как братья.
Здесь крепче у пожатия рука,
Честнее неуклюжие объятья.

На всю судьбу, как памятный рубец,
Мой личный номер в «смертном медальоне»...
...Когда-нибудь войне придёт конец
И время остановится в шевроне...

*броник (жарг. от «броня») – бронезилет

В ОКОПАХ НЕ БЫВАЕТ АТЕИСТОВ

В окопах не бывает атеистов –
Здесь жизнь висит на самом волоске.
Летят воспоминания со свистом,
Как жил ты, был каким и рядом с кем.

Вся жизнь в рисунках линий на ладони,
В пересеченье ровных и кривых,
В небесной канцелярии всё вспомнят,
Когда уходят люди из живых.

И вот сейчас в земле окопной стылой,
В молитве обращаясь к небесам,
Ты просишь: «Только, Господи, помилуй!
А с остальным я, Боже, справлюсь сам».

СЕРГЕЙ БАРАНОВ
ЧЛЕН ЛИТО «ЧАЙКА»
Г. ТАГАНРОГ, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Баранов Сергей Эдуардович, проживает в г. Таганроге, военный пенсионер. Много лет отслужил в Вооруженных силах нашей Родины. Стихи и рассказы пишет с юных лет. Является членом литобъединения «Чайка». Его произведения публиковались в периодической печати, в литературно-художественном альманахе «Берега», а также в историко-литературном альманахе «Вехи Таганрога».

ЛИК ВОЙНЫ

Навзрыд грохочет
канонада,
Луг чёрный
ямами расцвёл,
Коптит
окопная лампада
За тех – кто смерть
свою нашёл.

Под лязг и гул
деревья – в щепки,
Железо рвётся
на куски,

Да глупый соловей
на ветке
Свистит
безумству вопреки.

Весна идёт
ещё несмело,
Туманы прячут
лик войны,
Девниц далёких —
кавалеры
В объятиях
речной волны.

Ни слёз,
ни горьких причитаний,
Под яркий
пламенный закат
Уходят в небо
ветераны,
Где имя каждому —
солдат.

ОГНЕННАЯ ЧЕРТА

Дыханье слышится
израненной весны,
В крошечной мгле
разрывов и осколков,
Снарядом,
у подрубленной сосны,
Гора из покорёженных
обломков.
Горит земля,
дымятся облака
И где-то там, в Аду,
на поле брани,
Решается
нелёгкая судьба,
На огненной черте
смертельной грани.

НИКОЛАЙ ВЛАСОВ
член студии «Ступени»
г. Новочеркасск, Ростовская обл.

Власов Николай Данилович: «Место рождения – город Новочеркасск (22 апреля 1962 г.). Военнослужащий. Офицер. Жизненный путь – «В границах государственных интересов». В запасе. Ныне проживаю в Новочеркасске. Основная литературная деятельность – «Читатель». Личные художественные опыты начинал в курсантские годы (1984–1980). Соответствующего образования не имею. В Союзах не состою. Печатью издательских организаций не отмечен. По возможности, с интересом участвую в творческих встречах студии «Ступени» при нашей городской библиотеке».

ИЗ ГЛУБИНЫ СРАЖЕНИЙ

*«При рытье окопов под Херсоном, бойцами Специальной военной операции были найдены останки солдат Великой Отечественной войны...»
(Из новостных сообщений)*

«Как тяжела земляца.
Восемь десятков лет
с сорок второго не спится,
нет мне покоя... нет.

Пятые сутки боя,
жмёт немчура и жмёт...
Жутко душе от воя...
бомбовый вновь налёт.
Комья по брустверу пляшут,
рядом разрыва сноп...
Ох, как могильно страшен
вырытый в рост окоп.
Как холодна земля
восемь десятков лет.
Жаль, не учён молиться...»
– Парни! Да здесь скелет!
Звёздочка от пилотки,
ствол ПППШ гнилой,
есть медальон, в серёдке
нет ничего... пустой!
«Как нестерпимо ярко
свет по глазницам бьёт...
Кто-то сапёрной лопаткой
вновь вырезает окоп?
Ах, голоса родные!
Русская речь слышна!
Эх, матери кружевные!
Аж потеплела земля.

Значит, победа за нами!
Значит, фашизму хребет
всё-таки мы поломали!
Войн на земле больше нет...»
Тихо застыли над прахом
парни с «АК сорок семь».
Вновь здесь боями распахан
старый рубеж. И над всем
полем бывшего сраженья
кружит опять вороньё,
и через три поколенья
вновь взяли в руки ружьё
внуки Великой Победы,
всех безымянных солдат.

Души их верой согреты,
телом – калёный булат.
И не впервой им «двухсотых»
старых бойцов находить,
в новых заботах окопных
тленную память будить.
Место ей в братских могилах,
в строках скрижалей златых,
в чистых сердцах, добрых силах,
песнях, сказаньях былых.
«Как хороша земляца!
Вот и обрёл покой!»
Вечный... Пусть воину спится
мирно в земле родной.

ВЫ СЛЫШИТЕ?

Двадцать семь миллионов, Вы слышите?
Бьёт пульс памяти в наших сердцах!
Имена ваши кровью все вышиты
на полотнище алом, сей стяг
гордо реял над логовом хищника,
обломавшего свастики клыкки
о гранит героизма защитников
и единства народа штыки.
Журавлиным крылом белой стаи,
окроплённой скорбящей слезой,
вознеслась в небеса рать святая
и зажглась вековечной звездой
светлой памяти гордых потомков
поколенья Великой войны.
И девятого мая пусть громко
бьют салюты Победной Весны!

МИХАИЛ КОВЫЛИН

член ЛИТО «НЛО» (г. Таганрог)

с. Новобессергеевка, Неклиновский Р-ОН, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Ковылин Михаил Ильич, член Нового литературного общества г. Таганрога. В 2011 г. принят в члены Союза писателей Дона, в 2015 году принят в Союз журналистов России. Выпущено четыре сборника стихов и прозы: «Я душу лью», «Моё пространство», «Счастье ищет душа-бедолага», «Стихи и рассказы», готов к выпуску следующий сборник стихов «Шаги по линиям судьбы». В 2024 г. опубликована первая книга избранных стихов и прозы (322 с.). Вторая книга готовится к выпуску. Произведения автора публиковались в периодических изданиях, в литературных альманахах «Донские волны», «Южный меридиан» и др. С 2013 года совместно с супругой основал издательство «Таган», где в течение четырёх с половиной лет выпускалась газета социальной направленности «Новобессергеевские вести», инициатором и редактором которой являлся Михаил Ковылин.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Великий праздник – День Победы –
Волнует наших флагов шёлк.
Дрожите, вражьи мироеды,
Идёт, идёт Бессмертный Полк.

На майских улицах колонны,
Как полноводная река,
В моей стране их миллионы –
Бойцов Бессмертного Полка.

Запомню всех, кто был причастен
К Победе в той большой войне.
Кто жизнь отдал, чтоб я был счастлив,
Кто завещал Россию мне.

И пусть летит живая память,
Разносит весть во все концы –
Не победить нас, если с нами
Идут бессмертные бойцы!

МЫ МОЛИМСЯ ЗА ВАС

Мы молимся за вас и просим Бога
Вам жизни сохранить, но победить,
Облегчить вашу ратную дорогу,
Домой вернуться, чтобы мирно жить.

Пусть Ангелы хранят вас днём и ночью,
А враг поднять не смеет головы.
Пусть будет выстрел ваш смертельно-точным,
Но чтобы живы оставались вы.

Мы сохраним навек о павших память,
И в праздник Воскрешения Христа
Воскреснув, хоть на миг пусть встанут с нами,
Сложив в крестном знамении перста.

Как побеждали прадеды и деды,
Освобождая сёла, города,
Пусть завершится знаменем Победы
Борьба с неонацизмом навсегда!

НИКОЛАЙ ПЕРФИЛОВ
ЧЛЕН ЛИТО «ЧАЙКА»
Г. ТАГАНРОГ, РОСТОВСКАЯ ОБЛ.

Перфилов Николай Николаевич, родился 2 апреля 1961 года, проживает в городе Таганроге. Стихи начал писать с 14 лет. Является членом Таганрогского литобъединения «Чайка».

ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ

Тот самый длинный день в году
Переходил в прохладный вечер.
Запахли яблоки в саду,
И мяла мяту на ходу,
К ним ночь, спешащая навстречу.
Земля вращалась, как всегда,
Скрипя натруженной осью,
И проникала без труда,
Туманом ставшая вода,
В потяжелевшие колосья.
Мир предрассветной тишины
Был погребён в моторном гуле.
Своей не чувствуя вины,
Без объявления войны,
В мою страну враги шагнули.
Замки границ перекусив,

И крови алчущий обильной,
Ворвался зверь в простор Руси,
Огонь и смерть в себя вместив,
Рыча от злобы непосильной.
Разрывы, небо растерзав,
Весь горизонт перевернули.
Со Светом Тьму злой Рок связал,
Лицо к лицу, глаза в глаза,
Штык со штыком и пулю с пулей.
И стала плоть для стали, вдруг,
Неодолимою преградой.
Ничто не ведало вокруг,
Каким огромным будет круг,
Десятый круг спирали ада.
И не могли предположить,
В жестокой этой круговерти,
Что, защищая рубежи,
Предоставляют право жить,
В тот день шагнувшие в бессмертье.

СТАЛ ДЕНЬ ДЛИННЕЙ

Стал день длинней на пять минут.
В конце апреля, дню внимая,
Незримо ветви отрастут,
Вновь абрикосы зацветут,
Роняя цвет в начале мая.
Весь шар земной лежит в росе –
Устал от всех небесных трений.
И день, торжественный для всех,
Предстал во всей своей красе,
В благоухающей сирени.
Вчера закончилась война.
Сегодня все проснулись рано.
В строю медали, ордена,
В строю едином вся страна,
На строй равняясь ветеранов.
Четыре года! В день пять раз
Бои, окопы и землянки.

Они добыли мир для нас,
И слёзы катятся из глаз,
Под марш «Прощание славянки».
Плечом к плечу, кто выжить смог,
Рода всех войск сейчас – пехота.
И светлой памятью, как долг,
Течёт рекой Бессмертный полк
За взводом – взвод, за ротой – рота.
Победа! Честь для всех времён!
Дня нет торжественней другого,
Ведь слава в каждом из имён,
Среди распущенных знамён,
На фоне неба голубого.
Горит начищенная медь,
А доблесть в золото одета.
Весна старается успеть,
Ведь раз в году, теперь и впредь,
На Белом Свете столько света!
Как Солнца свет, в сердцах живёт
Нетленный дух патриотизма,
Гордится даже небосвод –
Под ним простой солдат идёт,
Планету спасший от фашизма.
И пядь родной земли горда,
И первым подвигом, и сотым.
И каждый миг хранят года,
Деревни, сёла, города,
Все безымянные высоты.
И звёзды, всем живым служа,
Чтя павших всех в сраженье лютом,
Своим участием дорожа,
В вечернем небе задрожат,
От многократного салюта.
И, в самом ярком из огней,
Произойдёт соединенье
Военных лет и мирных дней.
И эти звенья от забвенья,
В кристальной святости своей,
Хранить грядущим поколениям!

СОДЕРЖАНИЕ

Члены Ростовского регионального отделения Союза писателей России

ВАЛЕНТИНА ДАНЬКОВА. РАССКАЗ. ЭССЕ	4
ТРИ ИЮньСКИХ ДНЯ	5
НАЧНИ С СЕБЯ...	19
НАДЕЖДА ЖИРКОВА. ОЧЕРК	25
ГОРЖУСЬ. ПОМНЮ	25
ИРИНА САЗОНОВА. . ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ. СТИХИ	30
КРЕЩЕНИЕ В ЧЕРНОМОРСКОЙ КУПЕЛИ	30
ОТЕЦ	37
ОЛЬГА ТКАЧЁВА (АНТРОПОВА). ОЧЕРК	40
ВОЕНФЕЛЬДШЕР АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА	41
САНИНСТРУКТОР ОЛЯ	45
АНАТОЛИЙ ТОКАРЕВ. РАССКАЗ	47
САХАРОК	47
ЕЛЕНА АРЕНТ. СТИХИ	55
В НЕПРИМИРИМОМ СЛЕПОМ ОГНЕ	55
ДОРОГИ ВОЙНЫ	56
ТАТЬЯНА ВОЛОКИТИНА. СТИХИ	57
ТАМ, ЗА ВОЙНОЮ	57
МАЛЬЧИК И ВОЙНА	58
РОМАШКОВАЯ БАЛЛАДА	59
КУРСК 2024	59
МОЛИТВА НЕБА	60
ПИСЬМО	61
ВНЕМЛИ, ЧЕЛОВЕК!	62
ИЮльСКИЙ МОТИВ	63
НАТАЛЬЯ ВОРОНИНА. СТИХИ	64
ОСТАНЬСЯ ЖИТЬ!	64
ВОЗВРАЩАЕТСЯ ПАВШИЙ	65
ГДЕ-ТО РЯДОМ БЕДА	66
ЗА НИХ...	67
ОЛЬГА ГУБАРЕВА. СТИХИ	68
СОН	68
А ТАМ ГДЕ РАНЬШЕ ШЛА ВОЙНА...	69
ОБЕЛИСК	69
ГАЛИНА ЕРЁМИНА. СТИХИ	70
КЛЁН	70
НАГРАДЫ ОТЦА	71

В МУЗЕЕ	72
МИХАИЛ КОСТРИКИН. СТИХИ	73
РУССКИЙ ПАРЕНЁК	73
КТО НЕ ВИДЕЛ ВОЙНЫ	74
НА СНОС ПАМЯТНИКА	75
ВОИНУ–ОСВОБОДИТЕЛЮ В РИГЕ	75
СОЛДАТУ СНИТСЯ	76
КЛАВДИЯ ПАВЛЕНКО. СТИХИ	77
МЫ С БЕДОЙ ИГРАЛИ...	77
ХОТЬ ГОВОРЯТ, ПРОРОЧА И СУДЯ	78
ДОНБАСС. УБИЙЦАМ РУССКИХ	78
ПИСЬМО С ВОЙНЫ	79
ЛЬЁТСЯ КРОВЬ ВЧЕРАШНИХ...	80
ГРЕМЕЛ НАБАТ! И ГУЛ НАБАТНЫЙ...	80
ВИДИТ БОГ...	81
ЗАБРОШЕН ДОМ – УЕХАЛИ...	81
ОБЕРЕГ-МОЛИТВА ОТ МЕНЯ...	82
НЕБО-НЕБО, Я ПТИЦА...	83
ТИХО-ТИХО НА ЗЕМЛЕ...	83
ТАМАРА ПРИВАЛОВА. СТИХИ	84
БЫЛ ПРОРВАН ФРОНТ...	85
АНЖЕЛИКА САЛТАНОВА. СТИХИ	86
ДЕНЬ В 41-М	86
ЗЕРНО	87
ОТЧЕ НАШ, ПОМОГИ НЕ СОЙТИ С УМА	87
ЛЮДМИЛА СУХАНОВА. СТИХИ	89
ОПЕРАЦИЯ «ПОТОК»	89
ДЕРЖИСЬ!	90
ЕЛЕНА ЧИЧЕВА. СТИХИ	91
НАЗАД ДОРОГИ НЕТ	92
НА ВОЙНЕ	92

Кандидаты в члены Союза писателей России

АЛЕКСЕЙ ЗАРАТУЕВ. ОЧЕРК	94
ГАРМОНЬ	95
ЛОЛИТА ГУРЕЦКАЯ. СТИХИ	100
СПАСИБО, ВЕТЕРАНЫ!	100
ЖАРКИЙ АВГУСТ	101
ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ	101
МИХАИЛ КИСЛИЦА. СТИХИ	103
БЕЛЕЕТ СИРЕНЬ	103

ВЕРОНИКА КРАВЧЕНКО. СТИХИ	105
ВЗГЛЯД СОЛДАТКИ	105
ЕВГЕНИЙ ПЛАКСИН. СТИХИ	107
СМС С ЛБС*	107
Я НЕ БЫЛ СБИТ НАД ВОЛГОЙ В СОРОК ТРЕТЬЕМ	108

*Члены литературных объединений
Ростовской области*

ЛЮДМИЛА ВОЛКОВА. ОЧЕРК. СТИХИ	110
ВОЛОНТЁР	110
КОГДА-НИБУДЬ ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА	113
СЕРГЕЙ БАРАНОВ. СТИХИ	115
ЛИК ВОЙНЫ	115
ОГНЕННАЯ ЧЕРТА	116
НИКОЛАЙ ВЛАСОВ. СТИХИ	117
ИЗ ГЛУБИНЫ СРАЖЕНИЙ	117
ВЫ СЛЫШИТЕ?	119
МИХАИЛ КОВЫЛИН. СТИХИ	120
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК	120
МЫ МОЛИМСЯ ЗА ВАС	121
НИКОЛАЙ ПЕРФИЛОВ. СТИХИ	122
ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ	122
СТАЛ ДЕНЬ ДЛИННЕЙ	123

Союз писателей России
Ростовское региональное отделение
Донской литературный альманах № 6 — 2025 год

Стихи и проза донских писателей

Произведения публикуются в авторских редакциях

Составители:

С. А. Волошин, А. Д. Салтанова, Е. Л. Арент

Корректоры:

С. А. Волошин, Е. Л. Арент, И. А. Сазонова

Вёрстка:

Л. Л. Ковылина

РРО ООО «СПР»

г.Ростов-на Дону

E-mail: donpisatel@yandex.ru;

donpisatel.lo@yandex.ru

Сайт: www.donpisatel.ru

Подписано в печать 15.12.2025 г. Формат 60x84 1/16

Объём 7,44 усл. п. л.; 128 стр.

Обложка «Лён» 1+0. Тираж 100 экз.

Гарнитура Times New Roman.